

АЛЕКСЕЙ
ЗАХАРОВ

ГАНЦЛЕР-13

Алексей Анатольевич Захаров

Ганцлер-13

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29802278

ISBN 9785449044617

Аннотация

Новое произведение Алексея Захарова – загадочное и странное путешествие, в ходе которого герою предстоит заглянуть за завесу реальности, обрести любовь и найти ответы не только на тайны, придающие сюжету детективный оттенок, но и на важнейшие вопросы человеческой жизни.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	11
3	33
4	54
5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ганцлер-13

Алексей Анатольевич Захаров

© Алексей Анатольевич Захаров, 2018

ISBN 978-5-4490-4461-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Сегодня погибли рыбки из моего аквариума. Если выражаться точно, они не просто умерли, взяли вот так и сдохли, всплыв на поверхность вверх брюхом, и произошло это не в аквариуме с насыщенной кислородом водой и с искусственным освещением, нет... Они выбросились из настольного водоема на пол комнаты, все сразу, одиннадцать штук. Словно киты, завлеченные неведомой силой на каменистый берег Исландии. Два сома, три боция-клоуна и шесть суматранских барбусов. Я нашел их маленькие подсыхающие тела рано утром. Рыбки лежали на полу быстро тускневшими черно-красно-желтыми самоцветами, к ним прилипли пылинки и мелкие волоски, а по стене в их сторону хищно кралось жаркое летнее солнце. Я не мог им больше ничем помочь, все уже совершилось, мои рыбки были мертвы...

Я собрал с пола погибших рыбок, поднялся на ноги и перевел взгляд на аквариум. Забившись в стеклянном углу за причудливый коричневый камень, сквозь вздымающиеся со дна извивистые растения, на меня настороженно смотрел голубой кубинский рак.

В этом году исполнилось десять лет со дня окончания мной института. На встрече выпускников, которая прошла в начале мая за городом, присутствующие по очереди вставали со своих мест и рассказывали о себе. Они говорили о том, чем занимались все эти годы, кто каких результатов добился. Одни мои бывшие однокурсники, рассказывая об успехах на службе и количестве рожденных детей, изображали на лицах простоту и ложную скромность. Другие, напротив, с нескрываемым фанфаронством бахвалились должностями и званиями. Со стороны все это выглядело, как банальное надувание щек. Некоторые откровенно кичились своим положением. Когда выступали такие бахвалы, на их лицах была заметна печать превосходства и необуржуазной значительности. Они явно считали себя выше других. За минувшие годы мои недавние однокашники превратились в хватких деляг и слащавых пижонов. В руководителей фирм и заносчивых государственных чванов. А один из них даже сделал себе завидное продвижение по линии МВД и его взяли на должность в Москву. Они все были довольны собой, все знали, как правильно жить. И никто, ни один, не признался, что в чем-то за эти прошедшие годы ошибся, что что-то сделал не так...

Когда же, наконец, наступил мой черед объясняться, я поднялся из-за стола, покрытого кремовой скатертью и,

ощущая в образовавшейся тишине любопытные взгляды, не знал, что сказать.

«Что же я все эти годы делал? – размышлял я. – Чем занимался? Чего я достиг? К чему стремился?» Я так и произнес тогда вслух, спрашивая самого себя в присутствии одноклассников:

– Чем же я десять лет занимался?..

В ответ несколько человек хохотнуло...

Понемногу я работал в разных местах. Начиная с местной электрокомпании и заканчивая шарашкой, производившей изделия из пластмассы. Совки, ведра, тазы, прочая разность... Еще одно время я продавал лес и около года имел неприметную должность в конторе, занимавшейся стройматериалами. Никаких особых успехов я, конечно, на этих поприщах не достиг, да и, откровенно сказать, не было стремления добиваться. Я работал там-сям, потому что ведь нужно же было где-то работать, на что-то кормиться. И если выбросить из последних десяти лет моей жизни все эти ведра и стройматериалы, то вопрос, произнесенный на встрече выпускников, звучал вполне правомочно. Моя карьера в сравнении с победами одноклассников выглядела так же, как выглядит пирожное «картошка» рядом с расставленными в освещенной витрине дорогими тортами. Вдумайтесь, одно название говорит само за себя, пирожное и вдруг: «картошка»!..

Нет, конечно, в моей жизни кроме тазов и стройматериала-

лов, были еще и важные, заветные вещи. За минувшие годы я написал три сценария, а недавно снял свой первый фильм. Я всегда хотел делать кино, по-настоящему, однако возможности для этого долго не находилось. Она появилась лишь тогда, когда я продал доставшийся в наследство от деда гараж и на деньги, вырученные от сделки, купил камеру и неновый компьютер. Я как раз писал свой второй полный метр, когда состоялась эта дурацкая юбилейная встреча. В душе я рассчитывал получить главный приз на каком-нибудь статусном фестивале и прослыть культовым сценаристом. Я хотел заниматься творчеством и быть независимым, но об этом говорить однокурсникам, конечно, не стал. Я видел – собравшимся не было дела до моих киношных дерзаний. Их занимала только марка машины – которой, кстати, я не владел – и высота служебного кресла, а на все остальное им было плевать.

Мое семейное положение также не представляло собой ничего примечательного. Три года назад я развелся. После четырех лет невнятной жизни мы расстались без особой печали и денежных дразг. Ни детей, ни объемных ярких воспоминаний, за которые могла бы зацепиться инертная память. Ничего выдающегося, кроме классного, иногда сумасшедшего секса. Наверное, это единственное, что у нас с моей бывшей женой получалось отлично. По крайней мере, другого я не припомню. Но, как после выяснилось, регулярных занятий любовью совсем недостаточно, чтобы долго жить вместе

в пространстве общей квартиры. Когда постельные игры стали для нас обыденным делом, мы разбежались...

Позже я часто вспоминал наши секс-упражнения. Мы предавались плотским утехам везде. Дома, в машине тещи, в лесу, у друзей в ванной комнате – когда все сидели за накрытым столом, слушали Кейко Матсуи и пили вино, – в гостиничном номере. А однажды мы занялись этим даже в подъезде. В тот вечер мы вернулись с дачи родителей и когда попытались открыть квартирную дверь, обнаружилось, что замок отчего-то не поддается. Размышляя над тем, что предпринять, мы внезапно сошлись в неистовой страсти – сладкой, дикой, животной...

Да, в тот раз было действительно жарко. Тот случай – самый незабываемый эпизод в моей супружеской жизни. Вот что мне чаще всего вспоминалось при мыслях о женатых годах: СЕКС С МОЕЙ БЫВШЕЙ! Но я же не мог об этом рассказывать на встрече выпускников института. Они же все были все такие серьезные и дико успешные! Важные и благополучные до тошноты! Во многих из них не осталось теперь и следа от тех свойских парней, кого я знал и любил в прошлые годы. Это были уже не открытые и приветливые ребята в дешевых кроссовках, с полиэтиленовыми пакетиками в руках, в которых они таскали конспекты. Нет, теперь передо мною сидели чужие, незнакомые люди. Я понимаю, меняется все. Все понимаю... Но вот привыкнуть никак не могу.

Не знаю, однокурсники на меня так повлияли, или мне

все обрыдло до чертиков, но вскоре я с работы ушел. Через неделю я доделал сценарий, поправил часть диалогов и отправил работу на большой фестиваль. После этого я не знал чем заняться. К другому проекту я был не готов. Нужно было выдержать паузу и избавиться от послевкуся прошлой истории. Кроме того, я не знал о чем писать – не мог себе даже представить. Я решил пока пожить наобум...

2

День за днем я шатался по пустынной квартире, доставшейся мне от деда. Бродил бесцельно из комнаты в комнату, выглядывал в окна, часами лежал на диване, дремотно прикрыв глаза, и старался ни о чем тревожном не думать. С утра до вечера читал книги, а когда чтение надоедало, примерно раз в два-три дня, выбирался на улицу за продуктами или просто пройтись. Иногда покупал газеты в торговом центре рядом с домом (они затем долго пылились на столике в зале, после чего при очередной уборке я от них избавлялся), разглядывал смешно копошащихся в древесных опилках ежей в зоологическом магазине, выкуривал в сыром от дождя парке, под козырьком летней сцены, несколько сигарет и возвращался назад, в тихую ненастную тишину. Жизнь в стиле блюз...

Сколько времени так продолжалось, я не задумывался, нужно было вспоминать и подсчитывать, но то, что прошло много дней, это точно. Наверное, минуло не менее полутора месяцев, а может, и больше. Я потерял счет неделям, мне незачем было за ними следить. Жизнь идет и идет – пусть идет. Ничего с этим не сделать. Так или иначе, песок из колбы течет, и он будет уходить до тех пор, пока сосуд не станет пустым. Жизнь всегда направлена в эту сторону – песок убегает. Его не остановить, а часы не перевернуть пол-

ной колбой вверх. После тридцати это осознаешь особенно ясно. До тридцати лет не думаешь о скоротечности времени. Тебе кажется, что жизнь чрезмерно длинная штука, а мир неизменен: старики – всегда старики, сорокалетние – сорокалетние, а двадцатилетние вечно юны. После тридцати твое мнение на этот счет круто меняется. Ты вдруг понимаешь: скоро тебе исполнится сорок, а затем пятьдесят, так же, как теперь благополучно стукнуло тридцать два. Ворот времени безостановочно крутится. Песок убегает...

Почти неслышно, словно хранитель музея, я перемещался из комнаты в комнату. Трогал пальцами корешки трепанных книг. Курил в кухне, выдувая в потолок сизый дым, лениво разглядывал на кончике сигареты огонь, покрывавшийся серым налетом, и старался не гадать о завтрашнем дне. Когда меня начинал терзать голод, я становился к плите и стряпал что-нибудь легкое. Чаше яичницу с сыром и колбасой, еще делал салаты, жарил оладьи и дважды пек пиццу, всякий раз отмечая рост своих кулинарных способностей, потом съедал приготовленное, выносил скопившийся мусор и драил посуду.

Если мне надоедало быть в тишине, я включал магнито-лу и ловил подходящую станцию. Долго слушал выпуски новостей, современную музыку и надоедливый треп неумных ди-джейев. Когда попса меня утомляла, я ставил кассету и садился к окну разглядывать дождь. Капли падали беспрерывно, время неспешно тянулось. Печальный голос Алишии Кис

истекал из динамиков надрывным «Fallin»... .

Лето в моем родном городе выдалось мозглым. Дождь лил давно. Кажется, уже около пары недель. И до этого он тоже шел, только не сильно. Обычно взбрызнет слегка, распушает прохожих, а после, пробиваясь сквозь свинцовую толщу, опять принимается светить дразнящее солнце. И так несколько раз в течение дня. Теперь же непогода утвердилась надолго и прочно. От края до края над землю повисло мутно-серое полотнище, сплетенное из несчетного числа слюдянистых нитей. Временами его резко встряхивал порывистый ветер, и тогда нити стегали по стеклам злыми хлыстами и дробно били в карнизы. Мир превратился в аквариум, населенный людьми. И порой рождалось чувство, будто находишься в Индокитае во время сезона дождей: за границей города начинается стена гибельных джунглей, а по окраинам, тут и там, разбросаны затопленные бурой водой блюдца полей.

Мне такая погода была по душе. Я любил дождь. Я чувствовал себя уютно в теплой квартире, зная, что на улице нудно и слякотно, и что нет особой нужды выбираться наружу. Я садился на табурет у окна, складывал руки на подоконник, опускал на них подбородок и созерцал насквозь вымокший мир. Комнату в эти минуты заполняли то размеренные, накатами, то неожиданно ударявшие сильными всплесками, музыкальные волны. Рядом стояла чашка горячего чая, я протирал подернутое туманом стекло, ждал, ко-

гда чай подостынет, и не спеша пил его небольшими глотками. За окном хлестало без остановки. Здания стояли угрюмыми. Бетонные стены набрякли от избытка скопившейся влаги, и не было видно ни конца, ни края обрушившемуся на город ненастью...

Случалось, я не мог скоро заснуть. Читать не хотелось. Я выбирался из дома и долго бродил по обмершим улицам города. По пути заворачивал в круглосуточный магазин, покупал под томящимся взглядом охранника сигареты, одну выкуривал тут же, на крыльце магазина, и затем шагал дальше, под раскрытым куполом зонтика, задрав воротник адидасовской мастерки...

Самым удивительным было то, что ночью дождь почти прекращался. Ветер стихал, а сверху падали редкие капли. Будто кто выжимал остатки суточной нормы. Мне нравилось гулять в это время по городу. Я совершал обычный круг по изученному маршруту, возвращался в квартиру, умывался и засыпал. А утром опять наблюдал за окном привычную пелену нескончаемого дождя...

Иногда у меня появлялся гость. Не часто. Все время один и тот же. И всегда без предупреждения. Он приходил ближе к полуночи, ставил в угол распахнутый зонт и следовал в залу. Я вынимал из шкафа бутылку сухого болгарского, разливал его по низким стаканам, и мы принимались разглядывать улицу.

Мы могли долго молчать. Гость, который меня навещал,

был моим давним товарищем. Когда наступало время беседы, кто-нибудь из нас произносил первую фразу или просто начальное слово. Мы неспешно тянули вино, курили и говорили о разных вещах. Внизу по пустынной дороге скользили глянцевые авто. Блестел черным лаком мокрый асфальт. Лампы уличных фонарей и фары машин отражались от него неясными желтыми бликами. Временами из мутной темени выныривали припозднившиеся прохожие. Временами по жестяному карнизу били тяжелые капли. Мы сидели почти неподвижно и ловили вибрации мира. Мир играл вместе с нами полуночный блюз...

В последний раз он пришел ко мне без зонта, с мокрыми спутанными волосами и с собственной бутылкой в руке. Я сидел в старом продавленном кресле и читал Генри Миллера. Тишина затопила квартиру. Я собирался вскоре лечь спать. Когда в дверь коротко позвонили, стрелки часов над диваном показывали начало второго. Внезапный звонок вернул меня с улиц Парижа в реальность, я нехотя встал и, шлепая босыми ногами, вышел в прихожую.

В подслеповатом мутном глазке виднелась знакомая мужская фигура. Я не стал спрашивать «Кто?», отворил и впустил друга в квартиру. В прихожей он скинул грязные туфли, снял мокрый плащ и не удосужился сказать мне даже «привет». И это тоже было нормальным.

Мы прошли в комнату, считавшейся в моей двушке гостиной. Он выложил из кармана сигаретную пачку и поставил

на столик вино. Я без лишних вопросов сходил за штопором и стаканами в кухню, а возвратившись, нашел друга разглядывавшим в журнале рекламу дорогого фарфора.

Я подошел и взглянул через его плечо на яркую фотографию. Снимок был сделан сверху – искусно, с близкого расстояния. Над чайным сервизом, расставленным на дне живописного пруда, плавал розовый карп.

– Вопрос, конечно, избитый, но скажи все равно... Если бы у тебя был выбор – кем стать, – задумчиво, словно разговаривал сам с собой, произнес друг, – я имею в виду, человеком или кем-то еще... из животных... Ну вроде бы тебе, за некие немислимые заслуги, дали возможность подобного выбора. Ты бы кем предпочел народиться? Желать быть человеком, уже раз побывав в этой шкуре, на мой взгляд, неумно...

Я решил не вступать с ним в мировоззренческий спор, отстаивая избранность человеческого обличья. Если вдуматься, какой-то резон в его словах был.

– Не знаю, – ответил я, коротко поразмыслив. – Честно сказать, я никогда не думал об этом. Возможно, я бы хотел быть перелетной птицей... Может быть, игуаной. Морской игуаной, – уточнил я.

– Почему игуаной? – он оторвал взгляд от страницы журнала и вопросительно в меня вперился. – То, что птицей, еще можно понять. Далекie страны, всегда только тепло, впечатления и возможность парить над землей. Красиво, роман-

тично, возвышенно... Но игуаной? Они ж безобразные! Ты хочешь быть безобразным?

– Я думаю, мы для них тоже не пример красоты. Просто мне нравится, как эта тварь относится к жизни, – я сорвал с горлышка пластик и принялся вкручивать штопор. – Глубокомысленное созерцание мира на пустынном морском берегу, вдали от людской суеты и драк за кусок пирога. Меня бы такое устроило.

– А, вот оно что... А я хотел бы стать рыбкой в аквариуме. Плаваешь себе без тревог и забот. Мир, ограниченный стеклянными стенами, прост и понятен.

– И иллюзорен... В каком-то смысле мы и так аквариумные рыбки, – предположил я и плеснул вино по стаканам.

– Возможно... – он глубоко затынулся и, приблизившись к столику, стряхнул сигарету.

Я протянул вино. Мы опустились в кресла и какое-то время безмолвно сидели. Грели в ладонях стаканы. Иногда делали небольшие глотки и прислушивались к окружающим звукам.

Вскоре мы стали различать доносившиеся из-за стены приглушенные женские вскрики: кто-то в смежной квартире занимался любовью. Вскрики то совсем пропадали, то нарастали, становились отчетливей, а порой затихали, превращаясь в чуть приметные монотонные стоны.

Минут десять мы слушали звуки любви. Я подлил в стаканы и закурил. Неожиданно за стеной все смолкло без наме-

ка на финал и возможное продолжение. Я многозначительно поглядел на товарища. Тот сидел неподвижно и словно не замечал, что я смотрю на него.

Некоторое время мы безмолвно разглядывали стену перед собой, но там по-прежнему ничего не случилось.

– Странное дело, – протянул наконец друг, опустив руку, в которой держал стакан с недопитым вином, себе на колени. – Часто мы любим одних женщин, а трахать хотим других... Что это? Распушенность? Особенность вида?

– Мужчины полигамны, – откликнулся я.

– Насколько я знаю женщин, они тоже не очень-то целомудренны...

Я не стал возражать, тем более что был с ним согласен. Мы снова умолкли. По комнате плавали рваные ленты табачного дыма. Через минуту в открытую форточку влетел ночной мотылек и, ошалев от яркого освещения, стал истерично метаться под потолком, рядом с люстрой. За стеной по-прежнему царило безмолвие.

– Женщины... – тихо произнес друг, закинув ногу на ногу. – Да... странные существа... Сколько мы ни пытаемся их понять, у нас ни черта не выходит. Иногда тебе кажется, что ты понимаешь их, и достаточно хорошо, но потом вдруг случается что-то такое, что заставляет тебя усомниться и прийти к заключению – ничего ты не знаешь о женщинах. А все твоё понимание – сплошная иллюзия и самообман. Мы их любим и ненавидим, нам хочется доверять им, и в то же вре-

мя мы их опасаемся. Женщины – другие вселенные... Они и пугают, и одновременно влекут нас к себе. Они и губят, и дают силы жить...

Я глотнул из стакана, ничего не сказав, и вспомнил свой личный опыт. Еще подумал о китайском символе, изображающем взаимное перетекание двух энергий: Инь и Ян. Женское и мужское. Отрицательное и положительное. Древнеегипетское Ба-Ка¹. Одно находится в другом, которое, в свою очередь, содержится в первом. Если дальше погружаться в размышления, голова пойдет кругом. У меня не было желания заниматься этим теперь, в два часа ночи. Я отпил вино и подержал во рту, ощущая, как оно медленно проникает в кровь.

Мы сидели и изучали пустую стену напротив. Точно безликий экран в кинотеатре за несколько минут до начала сеанса.

– Как у тебя с ними? – поинтересовался друг.

– С кем? – в первую секунду не сообразил я.

– Ну с кем, с кем, с женщинами, – поморщившись от моей бестолковости, пояснил он и переставил стакан с подлокотника на журнальный столик.

– Не знаю, как у меня с ними. Нормально... Живем параллельно друг другу.

– Ты когда в последний раз с кем-нибудь спал? – он лениво

¹ Ба-Ка – у древних египтян две основные энергии, присутствующие в проявленном мире.

вытянул сигарету из пачки и прикурил. Потом уточнил: – Я имею в виду, когда в последний раз занимался сексом.

Я дернул плечами:

– Может, месяца два назад. Может, два с половиной...

Нет, – сказал я, подумав, – два с половиной еще не прошло.

– Расскажи мне о ней, – попросил он.

Бабочка, наконец, утомилась и перестала биться об потолок. Она затихла и спряталась в углу, за трубой отопления.

– Что рассказать? – удивился я. – Как с нею спал?

– Да нет, – он опять сморщился, оторвал взгляд от стены и обобрал налет с сигареты о край фарфоровой пепельницы, – расскажи о *ней*. Конечно, если не против...

Нет, я был не против.

Я взглянул на книжный шкаф. За стеклом, поверх книг, лежала пустая деревянная рамка. Сам снимок я в конце мая запустил самолетиком в форточку. Чтобы напрасно не мучиться от навеваемых им воспоминаний.

Рассказать о ней?.. Что я мог о ней рассказать? То, что она была младше меня на семь лет, и мы встречались ровно два года. Что мне было с ней хорошо и ей со мной тоже. Ну, по крайней мере, так было в первые месяцы...

Она работала менеджером в крупной торговой компании и обожала вареники с вишней. Я дарил ей цветы и подарки, а она мне свои фотографии, на которых всегда выглядела отлично, была свежа и красива своей естественной, не рисованной красотой. Однажды подарила мне на день рожде-

ния кошку из белого плюша и написала письмо со словами любви... Весной мы ходили гулять в пробудившийся парк, ели мороженое и катались на каруселях. А летом я возил ее за город в лес. Там мы рвали цветы и ловили изворотливых ящериц... Когда же ей было плохо и одиноко в нашем большом странном мире, она всегда приходила ко мне, и я ей рассказывал сказки – успокаивал, как только мог. Мне было не трудно проявлять нежность и ласку... В постели я получал не совсем то, чего всякий раз ожидал, но не обращал на это внимания, потому что мне было с ней и так хорошо... После занятий любовью она засыпала, уткнувшись лицом в мою грудь. Я гладил ее длинные светлые волосы и дышал ее запахом. Еще... А еще она всегда делала обиженное лицо – как будто я смертельно ее оскорбил – если вдруг, забавы ради, заявлял, что она меня когда-нибудь бросит. По правде сказать, я просто дурачился, трепался впустую. Сам я в это не верил, потому что считал, что она действительно меня любит. Но потом она почему-то начала говорить, что мы похожи на старую семейную пару, что ей кажется, будто мы вместе уже сорок лет. Я не знал, что возразить. Я видел: ей нужен предлог. А этой весной она взяла и исчезла... Совсем. Просто перестала ко мне приходиться и звонить, словно меня больше не было в мире... Я не пытался с нею связаться. Все и так было ясно. Мы расстались после сорока лет отношений. Хорошо хоть это случилось вот так. Хорошо, что на самом деле это были только два года. Было бы хуже, если бы сорок

лет действительно растянулись на многие годы...

Я привык, что люди появляются в моей жизни и затем бесследно из нее пропадают. Словно их и не было вовсе. Только моя память продолжает хранить оставленные этими людьми следы наших встреч. О ком-то четкие, яркие образы, будто видеоролики, о ком-то совсем туманные, точно тусклое отражение в куске льда...

– Да... женщины... – сказал друг, выслушав мой рассказ. – Их не понять.

– Верно, их не понять... – кивнул я, и, скрестив, вытянул ноги.

Друг затянулся и погасил в чашке окурок.

– Я вчера был на похоронах, – все тем же ровным, бесстрастным голосом, без перехода сообщил он. Видно, такие вещи, как женщины и похороны, находились в его сознании где-то на соседних, близких местах.

– Кто умер? – поинтересовался я.

– Парень с моей работы... Он даже моложе нас с тобой был. На машине разбился. Ехали с братом вдвоем, что-то произошло с рулевым управлением, и машину выбросило в кювет. В итоге у брата левая рука пополам, а нашего парня совсем... вдребезги.

– Жизнь и смерть – две родные сестры, – произнес я sacramентальную фразу и посмотрел в темный квадрат между шторами. В этот момент ветер швырнул в окно пригоршню бусин, которые дробно ударили по стеклу и жести карни-

за – дождь, до того едва моросивший, расходился, занимался сильнее.

– Да, – кивнул друг, – только жизнь многих людей в результате напоминает название хроникальной колонки в провинциальной газете: «Родился, женился, умер»... Аминь!

Он поиграл зажигалкой и после добавил:

– Сколько бы у человека ни было родственников и друзей, все равно каждый встречает свою смерть в одиночку. Лицом к лицу с дамой в черном.

Он умолк. Не говорил и я. Дождь на улице лил всю. Оконное стекло покрылось снаружи сплошной влажной пленкой.

– Никогда бы не подумал, что ранняя смерть может случиться именно с этим парнем, – снова заговорил друг. – Спроси меня неделю назад – кто будет следующим, и я бы на нашего парня в последнюю очередь указал. Он всегда был таким благополучным, таким правильным. Никогда не попадал ни в какие истории. С ним никогда не происходило ничего дурного. Жил жизнью примерного члена общества. По барам не шляется, жене не изменял, в сомнительные дела не впутывался. И тут на тебе...

Он умолк, но вскоре опять продолжил.

– На похоронах собралась уйма народа. Знаешь, я заметил, когда молодых хоронят, всегда бывает много людей... Рядом с гробом стояли жена и мать. Жена, вернее, уже вдова, держалась спокойно, ни слез, ни истерик. Было заметно,

что она все приняла, со всем согласилась, смирилась. А вот мать... Мать постоянно всхлипывала и окидывала людей, пришедших проститься, пристрастным, ревнивым взглядом. Что вот, мол, ее сына уж нет, а вы все тут живы-здоровы... У гроба лежало много венков и цветов. У кого-то некстати зазвонил телефон. Трубка заиграла идиотское «Don't worry, be happy». На человека зло покосились. Дурацкая жизнь, брат, все время что-нибудь случается невпопад.

Он задумчиво поднес стакан к губам и несколько секунд держал его так, точно забыл про вино, и только после отпил. Я опять закурил. Потом мы еще говорили. Я тянул вино, в основном, один. За все время нашей беседы друг с трудом осилил половину стакана. Я предложил ему кофе, но он отмахнулся. Что-то с его настроением было не так.

Перед самым рассветом, когда глухое мрачное небо принялось едва заметно сереть, а непогода, казалось, сделала передышку, друг решительно поднялся, забрал со стола сигареты и без долгих прощаний ушел, пожелав мне «любви и всех благ».

Проводив гостя, я возвратился в гостиную, собрал стаканы и бутылку в охапку и снес все на кухню. Умылся, раскинул в спальне диван, опять было взялся за Миллера, но, не осилив и половины страницы, выключил свет и провалился в беспмятный сон.

Спустя несколько дней, в нудноморосящий вторник, я то-

же оказался на похоронах. Умерла моя бабушка. Папина мама. Последняя из моих прародителей. Честно сказать, я не выносил подобных мероприятий, но тут уж ничего не попишешь, нужно было идти.

Собравшись отдать дань уважения бабушке, я нарядился в свой единственный костюм, черного цвета, который как нельзя кстати подходил для подобного случая. Второй раз за год я облачился в него. Если бы не смерть бабушки, возможно, в следующий раз я надел бы костюм только на Новый год. В повседневной жизни мне некуда было в нем выйти. Черный костюм очень удобная вещь. Универсальная штука. Я уже побывал в нем на свадьбе у одноклассницы, встречал и последний год прошлого века, и наступление первых двух нынешнего. А теперь облачился в него, чтобы проводить в последний путь бабушку. На похоронах я выглядел так, как выглядят в фильмах профессиональные работники похоронных контор – скорбные джентльмены. На свадьбе же одноклассницы меня по внешнему виду можно было бы запросто спутать с самим женихом. Мы все хотя бы немного друг на друга похожи, правда, не всегда помним об этом...

На кладбище я стоял рядом с родителями, под зонтом, у которого одна спица была переломлена. Ожидая окончания погребения, я рассматривал столпившуюся у могилы малочисленную кучку понурых людей. В основном, это были разные родственники. Близкие и не очень. Некоторых я не видел несколько лет, кого-то и вовсе не знал. В раскисшей

глине топтались неизвестные мне престарелые дамы и линялые старики. Они перешептывались, вспоминая минувшие годы, и ежеминутно утирали платками дряблые рты. Никто не убивался от горя. У покойницы был не тот возраст, чтобы спрашивать Бога, почему он ее к себе призвал. Бабушка умерла в те лета, при которых смерть не вызывает жалости. Восемьдесят четыре года – вполне приличный срок жизни для нашего времени, вполне логичный финал. Я стоял в измазанных грязью, вымокших туфлях, чуть в стороне от могилы, и терпеливо ждал, когда все закончится.

– Если бы она не сидела на месте, а двигалась, шлепалась потихоньку, прожила бы минимум лет девяносто, как Маруся, ее родная сестра, – произнесла мама уверенным голосом, подразумевая, что последние годы бабушка совсем не выходила из дома.

Я покосился на маму. Я знал, почти все время бабушка проводила в своей загроможденной старой мебелью, сумрачной комнатке, уставившись в телевизор и разговаривая с героями сериалов, точно с живыми людьми.

Отец никак не отреагировал на мамины слова. Он бросил в сторону догоревший окурок и, переложив зонт в правую руку, сдержанно кашлянул.

– Почему ты думаешь, что бабушка желала бы дожить до девяноста лет? – спросил я у мамы вполголоса, продолжая разглядывать пеструю стайку нахохлившихся старушек. – Если ты стремишься прожить так долго, это не значит, что

и другие хотели бы.

– Я сто двадцать лет проживу, – сразу же поправила меня мать стальным тоном, не терпящим возражений, одновременно зорко наблюдая за тем, как могильщики формуют лопатами свеженасыпанный холм. Сырые комья налипали на поверхность штыков, поэтому мужики с силой шлепали лопатами по могиле, стараясь освободить их от приставшей земли.

На эту мамину фразу мне сказать было нечего.

Похороны всегда собирают всех родственников. Если бы не смерть бабушки, я бы увиделся с родителями не раньше чем через месяц. Месяц – средний временной промежуток между нашими встречами. Почему-то каждый раз, как мы бываем вместе, у меня неизменно происходят споры либо с отцом, либо с матерью. Чаще с матерью, так как отец по природе неразговорчив и преимущественно молчит. Наши споры основываются на расхождениях во взглядах на жизнь. Все как всегда. Вечный конфликт отцов и детей. Даже можно было бы заявить: революционная ситуация. Старое поколение уже не способно, молодое – не согласно, не хочет. Теперь, заранее предугадывая назревающий спор, я предпочитаю благоразумно смолчать, оставшись при своем мнении. Все равно ведь он ничем не закончится. В споре ведь победителей нет. Я замечаю: постепенно я все сильнее, значительней отдаляюсь от родителей. От этого мне становится грустно...

Я почувствовал, что начал замерзать на сквозном промозгом ветру, поднял воротник, достал сигарету и, оберегая пламя ладонями, прикурил. Наконец все необходимые похоронные действия были совершены. Вереница угрюмых промокших людей, поскальзываясь на влажной тропинке, начала торопливо пробираться меж могильных оградок к маленькому автобусу, ожидавшему в стороне. Я еще раз посмотрел на свеженасыпанный холм и побрел вслед за всеми. Прощай, милая бабушка...

Домой я вернулся опустошенным. Скинул раскисшую обувь, вынул из холодильника оставшееся после визита друга вино и, не снимая костюм, устало упал на диван. Ослабив галстучный узел, я расстегнул ворот рубахи, вытащил зубами пробку и попытался точным броском закинуть ее в хрустальную вазу, что стояла на журнальном столе. Не угадал. Отскочив, пробка залетела куда-то под кресла. В бутылке еще было изрядно вина. Я посмотрел стекло на просвет и принялся цедить прямо из горлышка.

Мое настроение было серым как хмурое небо над городом. Нет, не плохим. Оно было безликим. Без красок, без звуков, без запахов. Было порожним. словно мутно-прозрачным студнем, заполнено равнодушием. Не сказать, что я был сильно удручен смертью бабушки. Все к этому шло. Естественный ход вещей. Просто, когда такое случается, ты поневоле задумываешься над течением жизни. Над ее устройством и над финалом. Моя жизнь сейчас катилась

неизвестно куда, как запущенный кем-то товарный вагон. Куда он бежит? Где и на каких стрелках свернет? Какие полустанки и станции проедет, не останавливаясь? Закончит свой путь в теплом депо или опрокинется набок в кювете, где будет медленно гнить, обрастая травой и молодыми деревьями? Я не знал. Мне ничего не хотелось. Живу и живу, что будет дальше – увидим. Как бы я раньше ни пытался планировать жизнь, из этого мало что получилось, а по правде сказать – ни черта толком не вышло. Жизнь – странная штука. Я свою пока отпустил. Как писали в прошлых романах: «пожившись на Провидение». Порою мне кажется, что все процессы в моей жизни затихли, и даже время затормозилось. И оно замедляется все больше и больше. Так же, как постепенно останавливаются стрелки настенных часов, в которых изработалась батарейка. В моей жизни наступил Сезон Дождей, Большая Полярная Ночь. Я старался ни о чем серьезном не думать, я просто ждал. Все равно ведь когда-нибудь что-то изменится, что переведет мой вагон на нужный мне путь, и тогда все наладится, и моя жизнь станет совершенной и полной. Мне только и оставалось, что в это верить. И я верил, верил и ждал...

Я сделал подряд два приличных глотка и опять посмотрел на просвет бутылку. В ней плескалось еще где-то на полстакана. Я поднялся и подошел к окну. За последние дни снаружи ничего не переменялось. Я посмотрел на часы, допил вино, отнес пустую бутылку в кухню и с книгой в руках устро-

ился в кресле. Я дожидался прихода ночи, чтобы можно было лечь спать.

Читал я до позднего вечера. За все время только три раза отвлекся – курил и пил чай. Ничем не нарушаемое безмолвие плавало по квартире огромной прозрачной медузой. Оно мягко обволакивало стены гостиной, не замечая меня. Когда за окном густо стемнело, я поднялся из кресла и, потянувшись, расправил суставы. В спальне снял изрядно измятый костюм и повесил на плечики в шкаф. До Нового года. Зевая, застелил простынею диван и, присев на корточки возле стола, минут пять следил за сновавшими в аквариуме рыбками.

Рыбки не замечали меня. Я кинул им корм, выключил свет, лег и натянул одеяло.

Всю ночь я ворочался, несколько раз просыпался, а во сне мне все время что-то являлось. Сны состояли из череды быстро сменявших друг друга событий, которые, как представлялось, ничем между собой не были связаны. Утром я почти ничего не помнил из своих смутных видений. В памяти застрял только образ странного мальчика, четкий и очень живой. Как настоящий... Ребенок был аккуратно подстрижен «канадкой» и носил синюю форму с эмблемой. Ту, в какой в эпоху Союза ходили все школьники. Мальчуган смотрел на меня – *оттуда*, из сна – и было что-то странное в нем. Да, что-то странное было... Я долго не мог осознать, в чем эта странность, но после понял: необыкновенным был взгляд мальчугана – взрослый, пронзительный, очень сквозной. Для

столь малого возраста взгляд был удивительным. Разница представлялась чересчур неестественной и поражала сознание. Так же примерно выглядят лилипуты – взрослые люди с телами детей, – но мальчик им не был...

Из сна о мальчике я помнил только одно: какое-то время он безмолвно смотрел на меня, а после сказал скрипучим старческим голосом: «Твои рыбки скоро умрут». «Почему?» – спросил я во сне мальчугана. «Они выпрыгнут и задохнутся», – ответил мне он. Потом был темный, ничем не заполненный отрезок безвременья... И еще я помнил, что после этого таинственный школьник сказал: «Он смотрит на мир тысячью лиц». Вернее, я не видел, что эту фразу произнес именно он, я вообще никого и ничего не видел. Тем не менее, я был твердо уверен, что слова сказал именно мальчик. Все остальное я позабыл. Я и про странного школьника вскоре не думал. Мало ли какие сны могут присниться. Да еще после похорон бабушки...

Образ мальчугана всплыл из глубин моей памяти только сегодня, через три дня. Произошло это вмиг, разом, как де жа вю. Будто внутри кто-то включил экран, и на нем замелькали сцены уже виденной когда-то картины.

Накануне я до поздней ночи смотрел старый вестерн-спагетти. Уснул там же, в гостиной. Утром, выбравшись из постели, я отметил, что непогода наконец отступила – уже второй день небо было чистым и радостным. Умывшись, я убрал одеяло с подушкой в диван, позавтракал и забрел в спальню

в поисках шлепанцев. В первую минуту я не заметил того, что случилось. Все казалось прежним, обыденным. Когда же я наступил на что-то упругое, мелкое, посмотрел вниз и различил на ковровой дорожке тельца мертвых рыбок. Солнце хищно кралось к ним по полу. Рыбки стремительно увядали. В аквариуме, забившись в угол и выставив клешни, испуганно замер кубинский рачок.

Виной всему стало мое невнимание. Вечером я бросил в аквариум корм и забыл задвинуть стеклянную крышку. Такое и раньше происходило множество раз, но никогда ничего не случилось. Еще вчера все было прекрасно: мои рыбки плавали, наслаждаясь покоем, а сегодня, как предрекал загадочный мальчик, они умерли, выпрыгнув на пол. словно киты на берег Исландии. Все разом, одиннадцать штук.

Я сидел на коленях подле аквариума, трогал пальцами подсыхающие тельца, и ко мне вдруг пришла очень ясная, четкая мысль: что-то должно непременно случиться. Обязательно. Неизбежно. В самое близкое время...

До середины дня я занимался домашними делами. После завтрака перемыл всю посуду, скопившуюся в раковине за последние два дня. Долго оттирал сковородку. Потом принялся наводить порядок в квартире. К трем часам дня я развязался с хозяйственными хлопотами, выпил чаю и выбрался на улицу.

Солнце висело над головой ослепительным огненным сгустком. Оно блестело в лужах на асфальте и широко, от души, улыбалось. Листва на деревьях была чисто вымытой, изумрудно-яркой. На улицах было полно народу.

Я скучно бродил по центру города, рассматривая прохожих. Жадно озирался на легко одетых девушек, без всякой цели заходил в магазины, проходил их насквозь и выныривал в двери на противоположном конце зала. На входе в парк, рядом с цветочными ларьками присел на скамейку, пробыл на ней минут сорок и снова продолжил прогулку. Когда забрел в музыкальную лавку, долго разглядывал выставленные в витрине новинки, но так ничего и не выбрал. В общем, я просто убивал остаток дня, не зная, как поступить с ним более верно.

Снова очутившись на улице, я купил у толстой мороженщицы пломбир и направился через парк по малолюдной аллее.

Из-за обрушившейся на город жары мороженое в моих руках отчаянно таяло. Сперва я успевал слизывать капли, выступавшие сквозь трещины в дне стакана, однако вскоре пломбир принялся сочиться обильно. Чтобы уберечь джинсы от пятен, я выбросил недоеденное мороженое в урну и вытер руки платком.

Пройдя через парк, я вскоре поравнялся с новым кирпичным зданием, на первом этаже которого размещался салон красоты. На фасаде висела большая, выведенная готическим шрифтом, черно-белая вывеска: «Татуировки». Я остановился, разглядывая ее. Сажистые, угловатые буквы напоминали средневековых воинов в стальных вороненых доспехах. Они теснились друг к другу, точно выстроившиеся в плотную цепь, ошетилившиеся оружием пехотинцы. Лишних не было, каждый был на своем месте, каждый готов стоять до конца.

Не знаю почему, но мне вдруг захотелось войти. Словно какая-то неизъяснимая сила толкала меня к дверям. Несколько секунд я стоял напротив крыльца в замешательстве, а затем, так и не найдя объяснения своему неожиданному желанию, неспешно взошел по ступеням.

На входе мне пришлось посторониться и выпустить из салона солидную даму. Лет пятидесяти, в легком брючном костюме. Женщина бережно несла перед собой только что нананикюренные руки. Она держала их с тем видом, с каким держат хрупкую драгоценность. По ее настороженному ли-

цу было видно, что центр мира сейчас сосредоточен для нее на кончиках пальцев. Я наблюдал за дамой. Спустившись с крыльца, она дошла до припаркованной белой «Мазды» и в растерянности остановилась. Лицо у женщины сделалось озадаченным и даже чуть глуповатым: она не знала, как вынуть из сумочки ключ. Я бросил на даму прощальный взгляд, внутренне ухмыльнулся и без промедлений шагнул за дверь.

Внутри прохладного зала, беспорядочно заставленного парикмахерскими креслами и зеркалами, я отыскал глазами администраторшу и направился к ней. Лицо и руки молодой женщины за мраморной стойкой выделялись своей чрезмерной ухоженностью. Я бы даже сказал, ухоженностью неестественной, необычайной. Ее лицо было будто скопировано с обложки глянцевого журнала и оттого казалось ненастоящим на фоне остальных виденных мною в повседневности женских лиц. Фотошопные красавицы никогда не имеют изъянов. Нет ни прыщиков, ни расширенных пор, ни шелушения кожи. И вообще у них нет проблем. Они все выглядят идеально. Наверное, мелькнуло у меня в голове, эта женщина служит рекламой посетительницам салона и, скорее всего, все услуги получает здесь даром.

Когда я задал вопрос, администраторша бегло глянула на меня, и, манерно указав своей «идеальной» рукой на дверь в конце зала, продолжила с помощью пульта настраивать телевизор.

Я не знал, зачем зашел в салон. Я никогда не испытывал

желания сделать татуировку. То есть не то чтобы не мог решиться на это, нет, я вообще никогда не задумывался: хочу ли иметь рисунок на теле. Я и сейчас не ломал голову над этим вопросом. Наверное, я вошел в это заполненное модной музыкой и тонкими ароматами помещение потому, что сидеть дома в солнечный день не хотелось, а бродить по улицам без нужды уже надоело. Мне некуда было себя деть.

Я постучался в нужную дверь и, выждав пару секунд, потянул ее на себя. Внутри я никого не увидел. В небольшой светлой комнате было пусто. Я вошел, прикрыл дверь и внимательно осмотрелся.

Кабинет был вытянут от двери вперед. Окно в нем имелось только одно, справа, но зато просторное, высокое, почти во всю стену. К окну был приставлен большой стеклянный стол, на котором лежали цветные журналы и несколько пухлых конторских папок. Под столешницей, на нижней полке, виднелись несколько косметических баночек, аэрозоли, а в массивном футляре из дерева сквозь стеклянную крышку блестел набор стальных инструментов. К столу были придвинуты два офисных стула. Больше в этой стороне комнаты ничего не находилось. Слева располагался платяной шкаф, отчасти закрывавший пространство комнаты, рядом стояли кушетка и отгораживавшая ее декорированная в цветистые тона ширма, по полупрозрачным шелкам которой с ветки на ветку порхали диковинные пичуги.

Пока я с любопытством осматривал комнату, сделал

несколько машинальных шагов вглубь кабинета и вдруг обнаружил человека. За платяным шкафом, подобрал под стул ноги, сидел коротко стриженный крепкий мужчина лет сорока. На нем были до крайности застиранные синие джинсы и салатовая рубашка. Он лениво жевал резинку и читал сложенную в четверть газету. Я поздоровался и еще раз быстро обвел комнату взглядом.

Мужчина ответил на мое приветствие слабым кивком и с вопросом в лице поглядел на меня. Я несколько растерялся, ведь я все еще не знал, зачем зашел в кабинет.

– Желаешь посмотреть образцы рисунков или так, от нечего делать забрел? – улыбнулся он.

– Даже не знаю... Хотя, наверное, посмотрю... – ответил я, справляясь с неловкостью.

– Ладно, садись к столу, листай. Может, что-нибудь тебя и заинтересует... В папках рассортировано по темам. Названия тем – на обложках. А в журналах так, разносортница, все подряд. Если хочется чего-то своего, оригинального, давай, выкладывай, чего именно. Постараюсь спроецировать твое мироощущение тебе на кожу.

– Я пока не уверен. Точно не знаю, чего хочу, – признался я. – Посмотрю, что у вас есть, а там видно будет.

– Хорошо, давай любуйся, – согласился мастер. Он сделал рукой широкий жест, приглашая меня свободно располагаться за стеклянным столом, и, закинув ногу на ногу, вновь взялся читать газету.

Я присел на стул. Быстро пролистав специализированные, в основном английские, журналы и вдоволь насмотревшись на хитросплетения различных по форме и исполнению орнаментов, на разноцветных птичек и бабочек, на другую пеструю чепуху, я отложил журналы в сторону и принялся изучать китайские иероглифы в папке «Восток».

Иероглифы были разбросаны передо мной причудливыми лабиринтами человеческой мысли. Мудрость, проявленная на белом поле бумаги. Одни – точно маленькие пагоды с воздушными выгнутыми крышами, другие – черные бархатные цветы. Каждый из них – загадочная магическая печать с зашифрованным в ней тайным смыслом. Следы диковинных птиц на первом снегу. Послание в вечность. Европейские буквы на фоне этих замысловатых знаков выглядят как одинокое скупое слово в сравнении с целым абзацем искусного текста. Я просмотрел иероглифы дважды и перешел к другому разделу.

Следующими в папке шли драконы. Разные по исполнению и расцветке. Один из них меня особенно впечатлил. Бирюзовый, оскалившийся, сжимающий в могучих когтистых лапах большую жемчужину серебристо-молочного цвета. Под рисунком стояла подпись: «Китайский Голубой Дракон – „Лунь“, воплощает собой Животворный Дух и Небесную Силу». Я долго рассматривал диковинного зверя, потом обернулся к мастеру и, продемонстрировав рисунок, спросил:

– Сколько будет стоить такой дракон?

Татуировщик бросил читать и поднял лицо.

– Цена зависит от размера изображения.

Я показал ему примерный размер, величиной в две ладони. Мастер помолчал, вперившись в меня пристальным взглядом, затем назвал сумму. Я опять отвернулся к столу. Такие деньги у меня с собой были.

– Нужно предварительно записаться? – спросил я, одновременно продолжая изучать драконов.

Прежде чем прозвучал ответ, я услышал за спиной шелест сворачиваемой газеты.

– Вообще-то у меня на это время клиент записан, но он уже пятнадцать минут как опаздывает. Подождем для порядка еще десять, и я набью тебе рисунок прямо сегодня, – сказал мастер.

Он не осведомился, устраивает меня предложенный вариант или нет. Поднявшись со стула, он подошел к столу, снял с полки деревянный футляр и принялся привычно выкладывать инструменты на специальный стеклянный поднос.

Я снова взялся рассеянно перебирать спрятанные в «файлы» листы, одновременно размышляя про себя: а почему бы мне действительно не сделать татуировку? Необходимые деньги у меня имелись, и свободного времени было полно. Я никогда не считался домашним мальчиком – тем, для кого общественное порицание было смерти подобно. Я никогда не страшился, что подумают обо мне родственники, друзья

родителей или знакомые жены. Напротив, я всегда стремился поступать так, как сам считал нужным, а не так, как этого хотели другие. Я сам выбирал себе путь и терпеть не мог, когда меня пытались обставить флажками. Да, случилось, я ошибался. Но кто не совершает ошибок?! По крайней мере, я никогда не утверждал, что безупречен и никогда никого не учил, как надо жить. Откуда мне знать?! Мне бы для начала самому разобраться...

Послеобеденное солнце заглядывало в кабинет через открытые пластиковые жалюзи, разливаясь в пространстве теплым золотистым эфиром. Из-за двери слабо доносилась противная отечественная попса перемешанная с жужжанием фенов и звуками голосов. Татуировщик сделал все требуемые приготовления, посмотрел на наручные часы и с серьезной готовностью в лице повернулся ко мне.

– Где будем бить? – спросил он.

«К черту!» – решил я. Я коротко подумал и ткнул рукой себе в спину, между лопаток, чуть ниже основания шеи.

– Ладно... – кивнул мастер.

Он сел за стол и умело скопировал на кальку выбранного мною дракона. Животворный Дух и Небесную Силу. Вышло у него хорошо. Разницы между получившимся рисунком и оригиналом в папке не было никакой. Разве что этот был точной зеркальной копией последнего. Потом татуировщик велел мне раздеться, тщательно протер кожу спиртовым тампоном, взбрызнул аэрозолем и, приложив к телу кальку,

с силой ее пригладил. Отодрав от спины прилипшую бумагу, он подвел меня к большому прямоугольному зеркалу на стене, и с помощью другого, ручного зеркальца, продемонстрировал отпечаток.

Дракон, извиваясь, сползал от шеи по позвоночнику к правой лопатке. Грозно ощерившись мощной клыкастой пастью, он будто охранял меня от возможного нападения со спины. Я покрутился перед зеркалом, пытаюсь представить, как мифический зверь будет выглядеть в чернильном варианте, и дал окончательное «добро».

Получив согласие, татуировщик усадил меня на стул перед зеркалом и велел держать спину прямо. Он натянул хирургические перчатки, опустил на глаза защитные пластиковые очки, еще раз брызнул мне на спину аэрозолем и, негромко буркнув: «Если тебе комсомолец имя – имя крепи делами своими», – принялся за работу.

Насколько мог, я следил за происходившим в зеркало. Машинка кровожадно жужжала где-то возле правого уха, рождая внутри меня неприятный нервный зуд. Татуировщик действовал быстро и уверенно. Лишь время от времени он ненадолго прерывался, чтобы вытереть ватным тампоном густые бурые потеки.

– Не больно? – поинтересовался он минут через десять, сдвинув очки на покрытый потным бисером лоб.

– Терпимо, – откликнулся я и посмотрел на него через зеркало.

Мне действительно было не больно. Так, лишь немного жгло слева от позвоночника.

Мастер удовлетворенно кивнул и снова надвинул очки.

– У каждого человека свой болевой порог. Все по-разному переносят боль. Поэтому я и спрашиваю... – пояснил он, продолжая рвать мою кожу металлом.

Я наблюдал за ним в зеркало и внезапно сообразил, что не вижу на его теле татуировок. Его загорелые мускулистые руки, покрытые мелким светлым волосом, были чисты. Раньше я полагал, что у таких людей обязательно должны быть татуировки. В качестве особой приметы, указующей на принадлежность к профессии. Как у байкеров и якудза. У мастера же их не было. «Может, они под одеждой?» – предположил я.

Этот вопрос не давал мне покоя, и я задал его. Я посчитал, что раз я сижу перед ним наполовину голый, а он в данный момент льет мою кровь, значит, между нами существует определенная связь, и эта связь дает мне право спросить.

– На мне нет ни единой точки, – громко, перекрывая жужжание, проговорил он. – Чтобы иметь татуировку, нужно быть к этому готовым. Я хочу сказать, по-настоящему готовым. Для меня татуировка – это не дань моде. Это стиль. Философия... Настоящая татуировка не может быть временной. Временным бывает лак на ногтях. Еще боди-арт... Разрисовал себя красками и через два часа смысл их под душем. Татуировка же – как родимое пятно, она только твоя. Та-

кой больше нет ни у кого и не будет. Если в тебе отсутствует уверенность, что сможешь жить с нею всю жизнь, до самой смерти, лучше не делай. Есть люди, которые приходят ко мне, выбирают рисунок, я им назначаю день, а потом они, наверное, передумав, не являются... Так же, как тот клиент, что должен был сейчас сидеть здесь вместо тебя. Так правильно, – утвердительно кивнул он. – В этом нет слабости, просто человек не готов...

– Значит, вы тоже не готовы? – задал я прямой вопрос.

– Да нет, – он скосился на меня сквозь прозрачный пластик очков и неожиданно добавил. – Я вообще не хочу иметь татуировку.

Мы замолчали. Больше я не стал его ни о чем расспрашивать. Я размышлял над словами татуировщика, а он с сосредоточенным видом продолжал кромсать мое тело. Когда все закончилось, он аккуратно протер кожу ватой и протянул зеркальце.

Я развернулся спиной к стене и посмотрел на результат. Участок тела вокруг татуировки покраснел и сильно подпух, выглядел багровой подушкой. Кожу на лопатке и плече теперь сильно пекло, но чешуйчатый бирюзовый дракон мне понравился. Я удовлетворенно кивнул и негромко сказал сам себе:

– Думаю, я готов.

– Что?..

– Да нет, я так...

– Повернись, кожу кремом смажу, – велел мастер.

Я развернулся. Он помазал мне спину и закрыл рисунок специальной салфеткой, прикрепив ее к спине кусочками пластыря. Затем порекомендовал несколько дней не принимать ванну и до полного заживления ссадины не загорать на солнце.

– Периодически смазывай рану каким-нибудь кремом. Чтобы подживало получше. Когда станет чесаться и корочка начнет отставать, не отрывай, пускай сама отойдет. Ты, я вижу, парень серьезный, сумеешь.

Татуировщик замолчал и принялся убирать инструменты. Я постоял рядом еще с минуту, но он больше не обращал на меня внимания. Тогда я поблагодарил его, оставил на краю стола деньги и вышел из кабинета.

На улицах было много людей. Соскучившиеся по теплу горожане не спешили домой. Они неторопливо прогуливались по тротуарам и сидели за столиками летних кафе. Я посмотрел на часы и решил навестить знакомого, проживавшего неподалеку. Он уже должен был вернуться со своей чиновничьей службы. Сориентировавшись, я расстегнул на рубахе верхнюю пуговицу и направился в нужную сторону.

Я ощущал прилепленную к спине салфетку при каждом движении. Она задевала за ткань и иногда мне казалось, что бумажный лоскут отвалился. В такие моменты я забирался рукой за ворот рубахи и убеждался, что все в порядке. Всю дорогу я непрерывно думал о том, что теперь у меня

есть татуировка. Я никак не мог свыкнуться с этой мыслью. Несмотря на всю простоту свершившегося события, чувство было необычайное. Не знаю отчего, но сознание принимало его с трудом. Понимание того, что я сделал татуировку, что она навсегда, навечно, вызывало во мне какое-то особое, мистическое ощущение. Оно было сродни чувству, которое я испытал в юности, после того как в восемнадцать лет впервые познал женщину...

От приятеля я возвратился по темноте. Выложил из пакета продукты, купленные по пути, и прошел к зеркалу, что висело в прихожей. Скинув с тела рубаху, я отлепил край салфетки и принялся изучать татуировку с разных сторон. Было неудобно, но я настойчиво выворачивал шею и вертелся в поисках наилучшего положения. Рассмотреть рисунок в деталях мне удалось с заметным трудом. Татуировка выглядела теперь иначе. Кожа сильно опухла, и от этого дракон казался объемным. Рану саднило, пекло, вокруг татуировки было багрово. Но мне все равно очень нравилось. Я ни о чем не жалел.

По окончании осмотра я опять прикрепил салфетку к спине и опустился в кресло с недавно найденной в шкафу книгой «Кто убил президента Кеннеди». Это было издание, выпущенное в последний год существования СССР. Книгу напечатали на дешевой серой бумаге, зато тираж был «союзный» – почти в полмиллиона. Написана она была хорошо

и очень толково, автор умел анализировать факты. Читалась книга тоже легко. Из нее выходило, что Кеннеди убила кучка политиканов и олигархов, спевшихся с мафией, а Ли Харви Освальд был просто козлом отпущения, на которого те все и повесили.

Увлечшись чтением, я не заметил, как время перевалило за полночь. Обнаружил это только тогда, когда почувствовал приступы голода. Отложив книгу, я сходил в кухню, съел парочку бутербродов, закурил и возвратился в гостиную.

Сидя за столом, я пускал дым, расплзавшийся по комнате причудливой паутиной, ловил ночные звуки на улице и разглядывал фотографии на стене – кадры дедовской жизни.

Докурив, я еще какое-то время просидел неподвижно. Спать совсем не хотелось, читать тоже. Я поднялся, достал из шкафа альбом с акварелями деда и стал их рассматривать. Альбом состоял в основном из пейзажей. Чаще осенних и летних. Почти не было зимних. Все рисунки я много раз видел в детстве. Я бережно вынимал акварели из папки и аккуратно опускал перед собой. Я глядел на багряные листья, на залитые солнцем поляны, на стога под дождем, на безымянные узкие речки, заросшие осокой и вербой, и думал о деде, о недавно умершей бабушке...

Внезапно внутри меня заволновалось: я опять почувствовал, что произойдет что-то значительное. Ощущение было острым и ясным, не позволявшим в нем сомневаться. Оно

требовательно привлекало к себе внимание и не давало покоя. В душе зародилось и стремительно разрослось необъяснимое беспокойство.

Я не знал, что со мной происходит. Я пытался распутать нити своих предчувствий, стараясь добраться до их источника. Пока я разбирался в причинах тревоги, в коридоре раскатисто зазвонил телефон. После этого беспокойство сразу исчезло. Оно пропало так же внезапно, как и возникло. Я вздрогнул от громкого резкого звука и в первые секунды не знал, что предпринять. Мне давно никто не звонил по ночам. Даже не вспомнить, когда такое случалось в последний раз.

После третьего звонка я все же оправился от оцепенения и в три прыжка подскочил к аппарату.

– Да! – почти выкрикнул я, с силой прижимая трубку к щеке и пытаясь утихомирить волнение.

– Ну наконец... Полдня не могу до тебя дозвониться, – ответил мне мужской голос.

Голос был так близок, так отчетливо различим, что мне померещилось, будто звонивший находится где-то рядом, близко.

– Кто вам нужен? – немного оправившись, более спокойным тоном осведомился я. Я не узнавал звонившего. Я решил, что перепутали номер и спешил поскорее в этом удостовериться. – Кому вы звоните?

– Тебе... – мужчина назвал мое имя, фамилию.

Все правильно, путаницы быть не могло, фамилия у меня очень редкая. Настолько, что, по утверждениям деда, ее носителей, кроме нашей семьи, в стране не осталось.

– Слушаю, – растерянно произнес я, стараясь понять, кому мог потребоваться в столь поздний час. По правде сказать, мне сейчас и в дневное время мало звонили.

– Не узнал меня? – одновременно и спросил, и с удовлетворением констатировали на том конце. – Значит, буду богатым. Хотя хватит, куда еще... Саша, это же я!

– Кто? – я действительно не знал, кому мог принадлежать голос в трубке.

– Прокофьев... Вадим... Твой одноклассник. На практических занятиях я всегда сидел перед тобой. За вторым столом у окна... Вспомнил? Мы как-то пару раз напивались вместе дешевого вина «а-ля сидр». Вернее напивался ты, так как я не пьянею. А потом совершали набеги к девчонкам в общагу... Да-а-а, какие были девчонки!

После того, как звонивший назвался, я сообразил, с кем говорю. Это был мой одноклассник из института. За прошедшие десять лет мы встречались с ним только дважды. В первый раз через год после выпуска, случайно столкнувшись на улице. Во второй – виделись этой весной, на встрече выпускников. Получив диплом, Прокофьев уехал из города, и никто долго не знал, как он и где. О нем стало известно только в этом году.

За минувшие годы Вадим преуспел. Переехал жить

в Краснодар и, по слухам, даже стал хозяином крупного холдинга, издававшего международный журнал и имевшего в собственности кабельную сеть на юге страны. Кажется, он еще чем-то там занимался, продюсировал, инвестировал... В общем, по моим представлениям, был настоящим воротилой медиабизнеса. Прокофьев таким и предстал перед нами на встрече. Выглядел превосходно: ухоженный, свежий, как будто только что из первоклассного санатория. На нем отлично сидел элегантный костюм из шерстяной тонкой ткани. Дорогие часы и ботинки. Запах элитного одеколona. Из всех присутствовавших в тот день, только его широкий кармино-красный галстук был проколот изящной булавкой. И держался он очень уверенно. Словно знал, как на самом деле устроена жизнь, и что его в ней ожидает через сутки, неделю, спустя двадцать лет... И, судя по его внешнему виду, ничего плохого Прокофьева в ней не ждало. На встрече он был со всеми приветлив. Стоял с бокалом вина чуть в стороне от общего гама и легко заговаривал с каждым, кто к нему подходил. А желающих побеседовать с ним было достаточно...

– Привет, Вадим, – поздоровался я, одновременно пытаюсь сообразить, зачем я мог понадобиться Прокофьеву среди ночи. Возможные варианты в голове почему-то не возникали. – Как дела? Ты приехал?

– Нет, звоню по межгороду. Дела идут более-менее ровно. Вот они и заставили меня побеспокоить тебя в этот час. Ты

уж, Саш, извини, но мне твоя помощь нужна.

Я удивился, услышав последние слова Вадима. Чем я могу поспособствовать? Ему – твердо стоящему на ногах.

– Рассказывай, постараюсь помочь, – сказал я.

– Нужно доставить в Краснодар пакет с документами. Вылетать лучше завтра... Понимаешь, обстоятельства таковы, что время не терпит. Поэтому я и тревожу тебя сейчас, поздно ночью. Я вообще-то полдня до тебя дозвониться пытался, – с легкими нотками извинения произнес он. – Я даже расстроился, начал думать, что ты куда-нибудь на отдых уехал...

– Ты хочешь, чтобы я привез тебе документы? – я продернул провод, вернулся в гостиную и стал медленно прохаживаться по ней взад и вперед, удерживая в руке телефон.

– Точно, – ответил Прокофьев. – Как бы ни развивались современные средства связи, все равно самым надежным способом получения документов остается их доставка верным курьером. Не обижайся за слово «курьер»... Я прошу тебя, Саша, о малой услуге. Ничего не поделаешь – бизнес. Конкурентная борьба, разные происки и интриги, прочее, блядь, дерьмо!

Я услышал короткий вздох и еще несколько хлестких матерных выражений. Потом Прокофьев продолжил:

– Вчера я звонил нашим ребятам, с кем мы вместе учились. Мне сказали, что ты сейчас временно ничем не занят и, вероятно, сможешь помочь.

– Что, прямо завтра нужно? – я перестал ходить по комнате и сел на диван, отметив про себя, как Прокофьев тактично обозначил мое нынешнее положение: «временно ничем не занят». Точно и не обидно. Он знал, как следует обращаться с людьми.

– Да, – ответил Вадим, и я услышал, как он усмехнулся. – Не бойся, тут нет криминала. И риска – ноль. Ну разве только авиакатастрофа, – он опять хохотнул. – Все дело в том, что нельзя, чтобы произошла утечка к моим конкурентам. Тогда контракт пройдет мимо нас. Месяцы подготовки полетят псу под хвост, у моих соперников сильные карты. Подобного не хотелось бы допустить. Хоть контракт и так себе, сумма не очень большая, все же.... Тут престиж главное. Да и позиции нужно укреплять постоянно. В конце концов, мы ради этого и работаем, чтобы договора заключали с нами, а не с другими.

– Я понимаю... – произнес я.

– Я даже звоню тебе сейчас не из города, а из района. Представляешь?! Не доверяю ни домашнему, ни рабочему телефону.

Я молчал, осмысливая услышанное. Может, действительно прокатиться? Развеюсь. Хоть какие-то перемены. Слетаю туда и обратно, проветрюсь и опять погружусь в созерцание мира. Как игуана.

– Все дело займет не более двух-трех дней, – продолжал объяснять мне Прокофьев. – Завтра, то есть, по-вашему, по-

уральскому, уже сегодня, вылетишь в обед, переночуешь, город посмотришь, и на следующий день тебя посадят на самолет домой. Все расходы я, конечно же, компенсирую. Кроме этого, у меня к тебе будет одно серьезное предложение. Уверен, оно тебя заинтересует. Но об этом потом, на месте, когда увидимся.

Я переложил телефон в левую руку и устало потер глаза. На другом конце провода было безмолвно. Я почувствовал, как напряженное ожидание моего решения на той стороне, добралось до моей квартиры и сделалось почти осязаемым.

– Где мне нужно будет получить этот пакет? – наконец спросил я.

Каменная тишина в трубке исчезла, и из нее послышался довольный голос Прокофьева. Напряжения в нем теперь слышалось меньше:

– Завтра... то есть сегодня, – опять поправился он, – в девять утра тебе завезут документы. Билет на твое имя заказан, – он назвал время и номер рейса. – Так что беги ложись спать. Прилетишь, тебя в аэропорту встретит мой человек. Спокойной ночи...

И я услышал короткие гудки разорванного соединения.

Красавец! Звонит неожиданно и разговор прерывает внезапно! Я нажал на рычаг, и некоторое время смотрел на онемевшую трубку. Потом перевел взгляд на часы. Стрелки показывали начало второго.

Даже хорошо, думал я, что так получилось. Все равно

нечем заняться. Слетаю, посмотрю Краснодар, если понравится, задержусь в нем на несколько дней, а затем, возвратившись назад, стану думать, что делать с жизнью. Нужно что-то решать, деньги кончаются. Прокофьев опять же про какое-то предложение говорил. Поживем – видно будет. Я выключил свет, зашел в ванную комнату и, отлепив от спины бумажный лоскут, еще раз рассмотрел в зеркало чернильного зверя.

4

На следующий день я проснулся в восемь утра – в телевизоре сработал таймер. Я включил его накануне, чтобы не проспать время доставки, сдохшую батарейку в будильнике я так и не поменял.

Вставать не хотелось. Ведущий утренней телепрограммы радостно, даже с каким-то восторгом, сообщил о приходе нового дня. За что я зло выругал его про себя. Я плохо спал, поэтому возвращение в реальный мир было медленным и тяжелым.

Какое-то время я еще полежал в сбитой постели, внимательно прислушиваясь к прогнозу астролога, потом заставил себя скинуть уютное одеяло и вырубил «ящик».

В ванной я хотел вначале забраться под душ, но, вспомнив рекомендации татуировщика, ограничился тем, что просто умылся. Бриться не стал. Я не любил это занятие. К тому же, заключил я, разглядывая в зеркало свое сырое лицо, мне предстоит выполнять функции нарочного, а не идти на очередную выпендренную встречу Бывшихдрузей.

Времени в запасе оставалось достаточно. До девяти утра я еще успел изжарить и съесть три яйца, выпить зеленого чаю и взять в руки вчерашнюю книгу. Правда, сосредоточиться на чтении я так и не смог. Я все время возвращался мыслями к ночному звонку и вспоминал содержание разговора. В ито-

ге, трижды перемусолив один и тот же абзац я, наконец, отступил, захлопнул книгу и бросил ее на диван.

Стрелки часов медленно двигались к девяти. Интересно, откуда Прокофьев знает мой адрес, размышлял я. Наверное, ему его сообщил тот, кто продиктовал и мой телефон, и рассказал о том, что я «временно ничем не занят». Скорее всего, кто-то из Бывшихдрузей. Да, скорее всего, так и есть, решил я. Впрочем, не имеет значения, откуда он узнал про меня, не такой уж это секрет, из своей жизни я тайны не делаю...

Пакет доставили в две минуты десятого. Молодой парень, вручившей мне документы, не был похож на простого посыльного. Легкие летние туфли, светлые брюки, дорогой ремень и рубашка говорили об его принадлежности к управленческой касте. Бело-синяя пачка «Парламента», выглядывавшая из кармана рубахи, и массивные золотые «Тиссо» ставили твердую точку в моих заключениях. Визитер, в свою очередь, окинул меня вопрошающим взглядом, назвал фамилию, имя и, дождавшись кивка, передал конверт из прочной бумаги. Я спросил, не нужно ли где расписаться, на что парень в ответ отрицательно мотнул головой и с удивлением произнес: «Зачем? Нет, расписываться нигде не надо».

Проводив посетителя, я проследовал с конвертом в гостиную и с любопытством его изучил. Это был обычный конверт А4, из оранжевой плотной бумаги. Без штампов, довольно тонкий. Клапан справа, аккуратно заклеен. Я тщательно ощупал конверт и взвесил его на руке. По моим при-

кидкам, в нем помещалось листов двенадцать-пятнадцать. На лицевой стороне пакета черным широким маркером, печатными буквами было написано: «Аскара Групп». «Вероятно, название фирмы, которой управляет Прокофьев. Ну и названьице!» – поразился я про себя. – «Откуда такие берутся? Интересно, чем руководствовался Вадим, выбирая подобное имя?» Я дернул плечами, еще раз оглядел принесенный пакет и спрятал его в секретер книжного шкафа.

Мой рейс отправлялся в пятнадцать сорок местного времени. Я решил съездить к родителям и известить, что лечу. Летом они жили на даче, нужно было пилить аж за город. Я отложил сборы на после и поехал к родителям. Времени оставалось немного.

До родительской дачи я добирался долее часа. Сперва на маршрутке, затем на автобусе. Солнце лупило вовсю. По небу ползли редкие клубистые облака. День выдался душный и жаркий. Автобус, заполненный в основном престарелыми пассажирами, полз по разбитой дороге медленно, тяжело, приседая на сильных ухабах с горькими стонами. Все люки в салоне были раскрыты, но даже они не спасали от изматывающей жары ни растомленных людей, ни огромного пса, что лежал на задней площадке у ног пожилого мужчины. Распластавшись в бессилии на пыльной резине, пес – полукровка немецкой овчарки – вывалил из пасти длинный язык и обреченно заглядывал людям в глаза.

Он искал в них сочувствие, но людям было не до собаки, их муки были не меньшими – зной нарастал.

На конечной остановке автобус развернулся на выщербленном асфальтовом пяточке, затормозил и с лязгом сложил ветхие двери. Дачники, торопясь и не по возрасту энергично толкаясь, с облегчением высыпали наружу. Я покинул салон вслед за всеми, прошел по грунтовой дороге несколько метров и, свернув в «Березовый переулок», направился к участку родителей.

Отца я застал на крыльце дачного дома. Он сидел в тени узкого, опутанного стеблями буйного винограда, навеса, курил сигарету и, редко отхлебывая из фарфоровой кружки густой черный чай, играл ногой с молодым серым котом. Я поздоровался:

– Здравствуй, пап. Где кота взяли?

Отец ответил мне слабым кивком головы и, продолжая забавляться с котом, не поднимая лица, произнес:

– Сам к нам пришел... Месяц уже как живет...

Значит, я не был у них больше месяца, скользнуло у меня в голове. Бабушкины похороны, конечно, не в счет. В тот раз мы ненадолго повстречались на кладбище, как всегда немного повздорили, а затем я сразу уехал.

– А мама где? В огороде?

– В саду... копается с грядками, – отец бросил под ноги окурок и старательно втер его в землю подошвой китайского сланца. Кот с большим интересом проследил за действиями

отца.

– Пойду, посмотрю, где она, – сказал я отцу.

Он опять молча кивнул.

Я постоял рядом с ним еще с полминуты – неловко, без звука, прошел мимо крыльца и направился по тропинке вглубь дачного сада.

Пройдя по центральной дорожке, я вскоре заметил сквозь нависшие ветви деревьев, в середине участка, знакомую фигуру мамы. На ней были тренировочные штаны и широкая цветная рубашка с закатанными до локтей рукавами. Седая копна ее волнистых волос была собрана на затылке в тугий толстый узел. Мама сидела на корточках возле огуречной гряды и шарила руками меж лопухастых стеблей. Сорванные огурцы она складывала в голубой эмалированный таз с обитым боком, который также служил и котлом для варки варенья. Я прошел машинально еще пару шагов и в раздумье остановился. Я уже почти добрался до огуречной гряды, мне оставалось дойти до мамы совсем чуть-чуть. Но теперь, когда я увидел ее, я больше не мог заставить себя двинуться с места. Я наблюдал за мамой из-за плотных ветвей, и мне припомнилось, как в детстве мы вместе вот также рвали по утрам огурцы и складывали их в этот же самый таз. А потом мы их мыли обжигающей холодной водой из колодца, и я ел самые лучшие. Огурцы были душистые, сладкие, внутри горячие – прогретые насквозь утренним солнцем... От нахлынувших воспоминаний мне сделалось грустно и захоте-

лось курить. Теперь то счастливое, минувшее время, представлялось мне непомерно далеким, и даже казалось, что все это было с кем-то другим, не со мной. Может, я видел это в кино? Или слышал чей-то рассказ? А может, читал о рвущем огурцы мальчике в книге?..

Неуверенно топчась на месте, я следил за мамой из-за густой зелени яблонь. Я не знал, как поступить. Казалось, мои сомнения продолжались целую вечность, хотя на самом деле прошло не больше минуты. В конце концов, я развернулся и зашагал обратно к дому. Мама меня не заметила, она продолжала рвать огурцы. Я не решился к ней подойти, потому что не знал, о чем с ней говорить, что рассказать о моей жизни...

Когда я возвратился к крыльцу, отец продолжал сидеть на прежнем месте. Он гладил заскорузлыми от работы в земле пальцами разнежившегося кота и смотрел на дорогу сквозь решетчатые ворота. Кот блаженно потягивался у его ног, сладко жмурился и урчал.

– Пап, я сегодня ненадолго уеду из города... По делам... – начал я, нерешительно переминаясь на месте. Я боялся, что отец спросит меня, отыскал я маму или нет. Теперь, в эту минуту, я испытывал угрызения совести от того, что не дошел до нее. Я вынул сигарету и закурил. – Дня на три, на четыре... Так что не теряйте меня, хорошо?

– Ладно, – спокойно ответил отец. Он привстал со ступеньки и выплеснул под куст остатки остывшего чая. – Мо-

жет, есть хочешь? Зайди в дом, покушай. Там на плите борщ еще теплый, мать недавно сварила.

– Спасибо, пап, не хочу... Я дома яичницей завтракал, – поблагодарил я отца. От его слов мне сделалось чуточку легче.

– Тогда чаю попей.

– И чаю, пап, не хочу... Я поеду... Нужно еще вещи собрать, – я посмотрел на часы.

– Хорошо. Некогда – значит, некогда. Приедешь назад, заезжай как-нибудь, – отец тяжело поднялся с крыльца и пошел провожать меня до ворот. Неугомонный кот увязался за нами.

Всю дорогу обратно я задавал себе один и тот же вопрос: почему не увиделся с мамой? Но ответа не находил. Я чувствовал себя виноватым, вспоминал свое детство, огурцы, плававшие в тазу, и отца с его неумным котом...

Дома я первым делом принялся собираться в дорогу. Вынул из секретера конверт с документами, и, чтобы он не измялся во время поездки, вложил его внутрь картонной папки. Папку поместил на дно сумки, сверху бросил смену белья, запасные носки и еще одни джинсы. Хотел взять футболку-стрейч, но, вспомнив про приклеенную салфетку, вернул футболку на полку, заменив ее на другую, свободную. Аккуратно свернул тенниску и легкий джемпер. Джемпер прихватил с собой так, на всякий случай, если похолодает.

В ванной комнате собрал с полки и сунул в пакет все необходимые туалетные принадлежности. В самом конце зачихнул в сумку зонт. Потом надел неношеную рубашку и полил перед уходом цветы.

Управившись с приготовлениями, я бросил взгляд на опустевший аквариум. Рак смотрел на меня со дна настороженным взглядом и двигал усами. «Вернусь, куплю тебе новых соседей», – пообещал я ему и кинул корм. – «Не журишь, скоро весело будет». Рак в ответ снова заполз за серый камень...

В аэропорту я первым делом зарегистрировался. Возле газетного киоска вспомнил, что забыл взять с собой книгу, остановился, купил газеты, пачку жвачки и дешевую ручку. Спустя час я уже летел в Краснодар на высоте девяти тысяч метров.

Весь полет я читал газеты, разгадывал сканворд, смотрел на тучные облака, освещенные ярким солнцем, а когда эти занятия меня утомляли, принимался следить за грузным мужчиной, который занимал место рядом со мной. Толстяк все время играл в го на расчерченном на квадраты тетрадном листке. Я исподволь наблюдал, как он расставляет кружочки и точки на перекрестиях линий, удивляясь тому, как можно играть в логическую игру и за себя, и за противника. Я никогда не понимал, каким образом удастся провернуть подобный трюк. На мой взгляд, для этого необходимо иметь, по крайней мере, раздвоение личности. Ведь ты всегда знаешь, что задумал твой «оппонент», какие он каверзы зате-

вает. Когда-то я пробовал разыграть с самим собой партию в шахматы, но у меня из этого ни чёрта не вышло. Как ни старался. Мужчина же увлеченно ставил на поле кружочки и точки, обыгрывая себя всякий раз. Он потерял интерес к игре лишь тогда, когда стюардессы принялись развозить на тележке обеды. Засунув листок в карман спинки сиденья, он расстелил на коленях платок и с вожделием принялся за еду.

Я едва дождался прилета. Прежде чем совершить посадку, будто примериваясь к выбранной полосе, самолет сделал над полем два пробных круга и только затем начал снижаться. Коснувшись бетона, он мягко присел, гулко завыл и стал сбавлять бег. Вскоре к борту пригнали трап, и длинный желтый автобус доставил меня и всех других пассажиров к серой коробке вокзала.

В зале прибытия толпилась пестрая кучка встречавших. Я отошел в сторону, остановился возле колонны и осмотрелся. Я увидел, как в мою сторону направился загорелый мужчина, стоявший до этого особняком от прочих людей. Мужчина заметил, что я смотрю на него, приветственно помахал и улыбнулся. Я не ответил, опустил сумку на пол вестибюля и принялся дожидаться.

Незнакомец был одет в приталенную рубашку навыпуск, остроносые белые туфли и брюки из льна. На вид ему было около сорока. Шатен, стройный, среднего роста. Его энергичность и внешний вид говорили об отменном здоровье

и отсутствии вредных привычек. Приблизившись, он опять широко улыбнулся и, протянув ладонь, назвал мое имя. Затем представился сам:

– Здравствуйте, меня зовут Сергей. Вадим Максимович поручил мне вас встретить.

Выражение лица Сергея и манера держаться наводили на мысль об его исполнительности. Аккуратист, себялюбив и наверняка предан начальству, точно собака. Идеальный работник, человек-кнопка.

Я быстро сообразил, что Вадим Максимович – это Прокофьев, бросил взгляд на группу людей, теснившихся около турникета, и, рассуждая вслух, задумчиво произнес:

– Зачем в такую жару друг об друга тереться? Тем более, в этом нет никакой надобности...

Сергей посмотрел на встречающих и, не меняя выражения лица, с насмешкой в голосе отозвался:

– Неосознанный инстинкт, желание сбиться в стадо. Как у гуртовых животных.

Я ничего не сказал, взял в руку сумку и зашагал вместе с Сергеем к выходу из аэропорта.

На стоянке нас ждала «Ауди А6». Темно-синего, почти черного цвета, выглядевшая как новая. В ее наполированные сияющие бока можно было смотреться. Мой провожатый снял машину с сигнализации, забрал мою сумку и поставил ее в багажник. Затем, широко распахнув заднюю дверь, он предложил мне садиться.

Я устроился на удобном сидении и, оглядевшись, потрогал ладонью велюровую обивку. Машина и внутри была такой, словно вчера вышла с конвейера. Ни пылинки, ни единого пятнышка. Краски яркие, сочные. Пластик и дорогой декор светятся. Даже запах был соответствующий. Хотя, по правде сказать, я не знал, как должны пахнуть новые «Ауди».

Пока я вертел головой, Сергей сел за руль, включил двигатель и автомобиль тронулся. Какое-то время мы ехали молча. По радио негромко играла музыка. Бесшумно работал климат-контроль, создавая внутри благостную прохладу. Я глазел в окно с любопытством туриста, подмечая все, что попадалось нам по пути: постройки, пирамидальные тополя, пыльных, бронзово-смуглых людей, торговавших на обочине гирляндами вяленой рыбы. Все вызывало во мне живой интерес – я давно не выбирался из дома.

Когда мы въехали в город, я спросил у своего провожатого:

– Откуда вы меня знаете?

– Мне Вадим Максимович показывал вас на снимке. Вы там с ним на каком-то собрании, – ответил он, мельком взглянув в зеркало заднего вида.

Фотография, сделанная на встрече выпускников, сообразил я, и, немного выдержав паузу, задал новый вопрос:

– И что, вы так сразу меня узнали?

– Конечно, у меня прекрасная память на лица.

– Необходимое условие для вашей работы?

– Почему вы решили?

– Да нет, я так просто... Подумалось. Скажите, у вас здесь всегда такая замечательная погода?

Сергей протянул руку к панели и убавил в приемнике громкость – почти совсем выключил звук.

– Это смотря какую погоду считать «замечательной», – рассудительным тоном ответил он. – Если жаркую, как сегодня, то летом она у нас почти всегда такая.

– А мне нравится дождь, – сам не зная зачем, признался я.

– Мне тоже он начинает нравиться, после того как с месяц простоит за плюс тридцать. Вообще-то меня жара вполне устраивает. Во всяком случае, это лучше чем снег и морозы. Я в армии два года в Свердловской области отслужил. Урал... Намерзся до невозможности. С тех пор предпочитаю более теплый климат.

Сергей вел машину очень умело, плавно, без резких разгонов и торможений. Перестраиваясь из ряда в ряд, он всегда включал сигнал поворота заранее.

– Курить можно в машине? – спросил я.

– Конечно, курите.

В следующую секунду стекло рядом со мной опустилось, и приоткрылась узкая щель.

– Куда мы сейчас направляемся? – поинтересовался я, расслабленно откинувшись на отвал сиденья.

– Везу вас отдохнуть после полета.

– В гостиницу?

– Нет, у компании есть квартира, специально предназначенная для наших гостей. Чтобы не держать людей в «казенных» стенах...

– Предусмотрительно.

– Ну да... Квартира находится в центре, на спокойной зеленой улице. Она отлично оборудована, уютная домашняя обстановка. Всем, кто к нам приезжал, квартира очень понравилась.

Стараясь быть вежливым, я внимательно слушал Сергея, глядя на него через зеркало.

– Правда, и излишеств там тоже нет, навроде джакузи с камином. Но я уверен, квартира вас все равно устроит.

– Я тоже так думаю, – кивнул я и выбросил в окно сигарету. – Что касается жилья, в этом отношении я не слишком капризный.

Заработал электроподъемник, и стекло вновь поднялось.

– Когда я встречусь с... – я запнулся, выбирая между «Вадимом» и «Вадимом Максимовичем». В итоге все же выбрал привычное – первое. Это для моего спутника Прокофьев «Вадим Максимович», для него он хозяин и босс. Для меня же Вадим как был одnogруппником, так им и остался. – ...встречусь с Вадимом?

– К сожалению, Вадиму Максимовичу пришлось срочно уехать из города. Он просил извиниться за него перед вами. Но он должен скоро вернуться... – поспешно добавил Сергей

и старательно изобразил на лице сожаление.

«Вот как!» – поразился я про себя, однако вслух ничего не сказал. И вида не обнаружил. Ладно, ничего страшного, подумал я. В конце концов, спешить мне некуда, свободное время есть, за жилье и еду платить не нужно. Погода отличная, неудобств никаких, везут с комфортом в дорогой новой машине. Все обстоятельства за то, чтобы задержаться на день-другой.

Пока я так размышлял, «Ауди» выехала на просторный зеленый бульвар, направления движения на котором были разделены липовой аллеей, закованной с обеих сторон в корсет из резной чугунной ограды. Мы проехали по бульвару несколько кварталов, затем свернули на тихую улицу и вскоре очутились в маленьком дворике, который был образован шестиэтажными зданиями, построенными из красного кирпича. Сергей подрулил к нужному дому, плавно затормозил и выключил двигатель. Я вышел и, осматриваясь вокруг, прогулялся перед машиной.

Дом, где мне предстояло остановиться, состоял из двух подъездов и имел вид свежей постройки. Рядом высилась еще пара таких же строений, образуя в комплексе с моим пунктирную букву «Г». На парковке и в карманах стояли почти сплошь одни иномарки, преимущественно японских и немецких моделей. Въезд во двор перекрывался шлагбаумом. Все приметы вокруг говорили о том, что здесь живут новоиспеченные буржуа. Я принялся было считать по за-

стекленными лоджиями количество имевшихся в доме квартир, но на середине счета вынужден был прерваться: Сергей вынул из багажника сумку, запер машину и пригласил идти за ним.

В подъезде мои догадки насчет буржуа нашли подтверждение. На первом этаже было светло и просторно, а за загородкой из толстого стекла торчал молодой худощавый консьерж в униформе. Еще здесь, начиная от входа и до шахты лифта, всюду стояли пышные экзотические растения в глиняных кадках, и висели стенные светильники. Кругом было чисто, нарядно. «Только райских птиц не хватает, – съязвил я про себя. – И фонтана с кувшинками, в остальном – шик-модерн». Я зазевался и чуть не споткнулся о кадку с гибискусом. Сергей меня поддержал. Мы проследовали мимо стеклянной будки дежурного, и вызвали лифт.

На лифте мы доехали до пятого этажа. На площадке располагались всего две квартиры. Наша, под номером «десять», находилась справа от лестницы. Сергей несколько раз провернул в замке ключ и толкнул дорогую деревянную дверь. Сразу же за порогом он протянул мне сумку с ключами и собрался уйти.

– Располагайтесь. Пользуйтесь всем, что здесь есть, без стеснений. И холодильником, и содержимым шкафов. Постельное белье, конечно, новое, из магазина. Полотенца в ванной комнате тоже. Да... – он секундно задумался, – Когда захотите воспользоваться плитой, откройте вначале кран

на трубе, он перекрыт... На полке, под телевизором, диски, на них неплохая коллекция фильмов и музыки. На разный вкус. В общем, освоитесь – разберетесь сами.

– Документы, которые я привез, мне вам передать? – то-ропливо спросил я Сергея.

– Зачем? Документы отдадите лично Вадиму Максимовичу, когда он приедет.

– А когда он приедет?

Сергей пожал плечами и неопределенно ответил:

– Кажется, дня через три. Я об этом не извещен.

– Три дня! Чем же мне здесь три дня заниматься? – я озадаченно посмотрел на него.

– Осмотритесь, погуляйте по городу... В кинотеатр сходите.

Я уловил в его голосе фальшивые нотки официального извинения. Выполняя поручение шефа, он несколько пересаливал с рвением.

– Давайте я вам устрою девочку. Чтобы не было скучно, – неожиданно и очень просто предложил он. – По вашему желанию, какую закажете. С любыми изысками. У нас в городе много красивых женщин, можно найти на самый взыскательный вкус. О деньгах, естественно, не беспокойтесь. Вадим Максимович распорядился передать вам определенную сумму на траты. Они ведь могут возникнуть.

– Нет, спасибо, – отказался я от его щедрого предложения. – Девочку мне не нужно пока, а деньги у меня есть

свои... Если же вдруг возникнут какие-то серьезные расходы, я стану чеки приберегать и, надеюсь, ваш бухгалтер впоследствии мне все компенсирует. Договорились?

– Как хотите. Только в чеках необходимости нет. Вам достаточно будет просто сумму назвать, – не настаивая, легко согласился Сергей и добавил: – Я предупрежу консьержа, что вы наш важный гость, чтобы он не задавал вам лишних вопросов.

Важный?! Я был удивлен. Он явно мне льстил. Я промолчал.

Сергей повернулся и щелкнул замком. Он уже находился за порогом раскрытой двери, когда я задал ему последний вопрос. Этот вопрос не имел для меня никакого значения, так, чистое любопытство:

– Скажите, машина, на которой мы с вами приехали, «Ауди», она новая? – мне просто хотелось знать, как пахнут новые немецкие автомобили.

– Пяти тысяч еще не прошла, – самодовольно ответил Сергей. – В июне купили.

Я удовлетворенно кивнул и, попрощавшись, прикрыл за ним дверь.

Оставшись один, я снял давно надоевшую обувь и направился инспектировать мою временную обитель.

Квартира оказалась двухкомнатной, но огромной и светлой, отделанной не вычурно, дорого, со вкусом. Все говорило о том, что над интерьером жилища поработал толко-

вый дизайнер. Мне очень нравилось, настоящие апартаменты. Не было ничего удивительного в том, что люди, здесь побывавшие, оставались довольны. Осмотр я начал с залы. Она состояла из гостиной и кухни, отделенных друг от друга дорогим узким барьером из мореного дерева. В кухне стояли большой холодильник и дубовый кухонный гарнитур. Посреди гостиной на паркетном полу лежал овальный ковер с крупным лаконичным орнаментом, на котором, утопая основаниями в голубом мягком ворсе, стояли пшеничный диван и прямоугольный кофейный стол из карельской березы. К столу с разных сторон были приставлены два низких широких кресла того же пшеничного цвета. Возле стены, противоположной окну, справа от входного проема, высился стеклянный шкаф с изящной японской посудой. С другой стороны от проема, составляя с кофейным столом и стеклянным буфетом единый ансамбль, находилась стенка-стеллаж, тоже из капа, с полками из прочного дымчатого стекла. Диван и кресла были обращены к торцевой, обратной кухне, стене. Возле нее, на приземистой тумбе, по-хозяйски, как некое божество, восседал огромный размашистый телевизор. Его просторный плоский экран, оправленный в антрацитовый корпус, черным надменным оком холодно созерцал пространство залы. По бокам телевизора, словно неотступные телохранители, поднимались акустические системы-столбы, а в льдистых бликующих нишах стеклянной тумбы виднелся проигрыватель лазерных дисков и стереоусили-

тель.

Изучив залу, я перешел в другую комнату. Обстановка в ней была поскромнее. В этой комнате, обустроенной как спальня, но также большой и просторной, стояли широкая кровать с высокой фигурной спинкой, гигантский, до потолка, шкаф-купе, велотренажер и беговая дорожка. Двери шкафа были зеркальные. Еще одно зеркало декораторы смонтировали над кроватью, прямо над плоской пятиламповой люстрой. Пол в комнате был застелен ковровым покрытием, а на обширном окне висели деревянные жалюзи.

Несколько удовлетворив любопытство, я возвратился в гостиную и какое-то время стоял рядом с проемом и разглядывал небольшой папирус в тонкой рамке из камыша, что висел на стене возле стеклянного шкафа. На картине была изображена сцена из египетской «Книги Мертвых»: Осирис вершил суд в загробном мире, а его подручные, Анубис и Гор, взвешивали на весах сердце умершего. Древние боги хладнокровно решали судьбу несчастного смертного. В эту минуту только от их приговора зависело: быть ему сожранным чудовищем Амаат или блаженствовать в цветущих полях Иалу...

Я отошел от проема, присел на диван и закурил. Сигарету стряхивал в хрустальную пепельницу, выполненную в виде перевернутой пирамиды на серебряных ножках. Потом поднялся, зашел в кухню и заглянул в холодильник. Камера была забита различной снедью. Есть мне пока не хотелось, я отыс-

кал на полках коробку виноградного сока, налил на треть в высокий бокал и вернулся к кофейному столику.

Я заметно устал от полета, поэтому решил провести остаток дня, не покидая квартиры. Все равно у меня в запасе имелось еще достаточно времени. Я лег на диван и, привыкая к новому положению, начал лениво потягивать сок.

Немного передохнув, я решил сполоснуться.

В необъятной, сверкающей кафелем комнате стояли вместительная купальня и душевая кабина. Я оголился по пояс, повернул кран и склонился над ванной. Стараясь не намочить бумажный лоскут, я осторожно плескал ледяную воду на грудь, живот и бока. Было одновременно приятно и холодно. Струйки воды сбегали по пояснице, а между лопаток нестерпимо щипало. Кожа в татуированном месте так невозможно зудела, что хотелось немедленно сдернуть салфетку и изо всех сил растереться мочалкой. Я крепился, как мог, хотя это и давалось с великим трудом. Наконец, я закончил, вытерся досуха и накинул рубаху.

После купания мне сделалось легче.

Выйдя из ванной, я опять заглянул в холодильник. Кроме сока, водки и колы, других напитков в нем не было. Тогда я принялся открывать дверцы шкафов и вскоре в одном из отделов нашел с десяток винных бутылок, плотно стоявших друг к дружке. Вино было в основном полусладкое – французское и грузинское. Я откупорил «Ахашени» и вместе с бутылкой прошел к телевизору.

Возле тумбы я сел на паркет, поставил бутылку рядом и стал выбирать что послушать. Коллекция оказалась действительно интересной. Тут были блюзы, классика, ирландский фолк, немного рока. Порывшись в названиях, я поставил пластинку с блюзами Джона Ли Хукера и сел на диван.

Музыка заполнила комнату без остатка. Она набегала широкими волнами, билась прибоем, отступала и снова накачивала. Я вытянул ноги и стал наслаждаться вином, оказавшимся очень хорошим. Незаметно я выпил половину бутылки, задремал и скоро уснул.

Проснулся я, когда по комнате уже расплылись ранние сумерки. Было тихо. Диск давно доиграл до конца, и система автоматически выключилась. Я бездумно сел на диване, привалившись спиной к крутому отвалу, потер руками лицо и принялся искать выключатель. Он оказался там, где ему и положено было быть – у входа в залу. Я нехотя встал, подошел к стене и щелкнул кнопкой. Свет нескольких электрических лампочек ударил в специальный рельефный экран и, отразившись, распространился вокруг спокойным ровным сиянием. «Высший класс, – отметил я про себя, похвалив того, кто это придумал, – как раз то, что надо».

Возиться с приготовлением ужина мне не хотелось, поэтому я решил ограничиться бутербродами. Тем более что отыскал в холодильнике две банки лососевой икры и брусок финского масла. «Интересно, – размышлял я, вынимая мас-

ло с икрой, – кто заботится о продуктах? Ведь должен же за этим кто-то следить. Может, Сергей? Или у них есть прислуга?..»

Я быстро соорудил бутерброды, перекусил и довольно обвел глазами гостиную. Внезапно мне показалось невероятным, что я сейчас здесь нахожусь. Еще утром я завтракал дома, видел родителей, а теперь сижу за тысячи километров и вглядываюсь в полумрак гигантского телевизора. По сравнению с моей прежней малосодержательной жизнью, сегодняшний день был чрезвычайно насыщен событиями. Утром посыльный с пакетом, потом самолет и новая «Ауди»... А теперь я наслаждаюсь вином в настоящих апартаментах...

Я тронул плечами. Место, где был набит дракон, жгло. Я снял рубаху, включил в прихожей светильник и, приблизившись к высокому прямоугольному зеркалу в полированной раме, повернулся спиной. На салфетке в нескольких местах проступили кровавые пятна. Кожу тянуло, точно бальзаковскую шагрень. Я сходил в ванную и перерыл все флаконы и баночки, хранившиеся на полках, но ничего подходящего не нашел.

«Черт! – ругнулся я. – Сколько всего, а того, что сейчас действительно нужно, этого нет!» Я бросил взгляд на часы на руке. Уже было поздно, магазины закрылись. Придется отложить до утра. Я смирился, вернулся в гостиную и, не натягивая рубахи, прилег на диван. Через десять минут, пощелкав без интереса пультом, я отыскал в тумбе «Цареубий-

цу» с Макдауэллом и начал смотреть.

К финалу картины я прикончил бутылку, затем поставил «Ночного портъе». Но фильм одолеть не сумел – сделалось скучно.

Выспавшись, я не знал теперь чем заняться. Вставать завтра рано необходимости не было. Впереди меня ожидало три дня безделья. Я пошатался по комнатам, повыглядывал в окна. Чутко прислушиваясь, постарался различить соседей за стенами, но ни единого звука не уловил. Изоляция в доме была превосходной, не то, что в моей «ленинградке».

Послonyaвшись без цели и не найдя иного занятия, я решил провести инвентаризацию шкафов. Обыскивать взялся с кухни. В гарнитуре помимо ложек, вилок и чайных пар, двух дорогих сервизов за стеклянными дверцами, ничего не нашел. В гостиной, в буфете – та же история. Только дорогие резные фужеры, хрусталь и фарфоровая посуда. В ванной комнате, в аптечке, рядом с йодом и с аспирином, наткнулся на пачку презервативов – хозяева оказались предусмотрительными. Я сунул презервативы назад, убрал аптечку на место и перешел в спальную комнату.

Здесь, в купейном шкафу, сиротливо висели деревянные плечики, а на полках были аккуратно разложены стопки новых, с магазинными этикетками, постельных комплектов. В соседнем отделе лежали цветные халаты и несколько мужских и женских пижам. На этом содержимое полок исчерпывалось. Вот и все, больше обследовать мне было нечего.

На осмотр шкафов ушло пятнадцать минут. Разочарованный, я принес в спальню сумку, развесил по плечикам вещи, разделся и забрался в постель. Даже зубы чистить не стал. Спать по-прежнему не хотелось. Я полежал неукрытым, раскинувшись на кровати и наблюдая себя в потолочное зеркало, потом выключил бра, натянул покрывало и повернулся на бок.

5

Утром меня разбудил телефон. Сквозь вязкую марь внезапного пробуждения мне показалось, что спятивший аппарат зашелся в истерике. Я с трудом выдрался из душного сна и кинулся к верещавшему телефону в прихожую.

База висела на стене рядом с зеркалом. Мне удалось сорвать трубку на последнем звонке, но в наушнике звучали только гудки. Я нажал на отбой и, ничуть не жалея, что опоздал, прошлепал с трубкой в гостиную.

В зале я немного посидел на диване, потом понял, что ждать второго звонка смысла нет, оставил телефон на столе и направился умываться. Выйдя из ванны, я надел свежие джинсы и голый по пояс пошел делать завтрак.

Солнечный свет с силой бил через лоджию в окно гостиной. Я прикрутил жалюзи и затем долго стоял и заморожено смотрел, как в пронизанном лучами пространстве плавают едва видимые пылинки. В какой-то момент мне вдруг померещилось, что если присмотреться внимательней, выяснится, что на самом деле это плавают не пылинки, а люди. Кружатся – маленькие, беспомощные и несмышленные. Прах от праха и дух от духа. Я попробовал поймать нескольких, тех, что падали вниз, оказалось – ничего сложного, плевое дело. Ловить людей было не трудно. Нужно только подставить ладошку и ждать, когда они сами опустятся...

Я еще постоял, взглядываясь в золото света, потом прошел за барьер и взялся готовить еду.

После завтрака я оделся и вышел из дома. На углу запомнил адрес, выбрал случайное направление и медленно двинулся по заросшей деревьями улице. Я с любопытством разглядывал встречных прохожих, здания, читал рекламные вывески и названия магазинов. Я ощущал себя в роли досужего путешественника: я никуда не спешил, у меня не было никаких срочных дел, впечатления от гулянья по городу ждали меня...

Через два квартала я пересек светофор и прошел мимо кафе «Аврора». Заведение находилось внизу пятиэтажного административного здания и незначительно выступало вперед. Рядом, на асфальтовом пяточке, стояли столы и тележка с мороженым. Потом мне попались кулинарная лавка, парикмахерская и обувной магазин. Я все шел и шел, сворачивая на перекрестках и светофорах, смотрел на фасады и старательно запоминал названия улиц. Карасунская, Гоголя, Гимназическая... Через полчаса я добрался до парка, недолго посидел на скамейке, наблюдая за летними женщинами, потом пересек парк насквозь и выскочил из него с другой стороны...

К полудню жара набрала небывалую силу, завладев городом совершенно. Солнце прижимало к земле и гнало в прохладу. Воздух мелко-мелко дрожал над раскаленным асфальтом бесчисленным числом хрустальных граней. На газо-

нах, в тени деревьев, лежали обессиленные собаки и сидели понурые, сомлевшие голуби. В какой-то момент мне вдруг стало мерещиться, что время внезапно затормозилось, и вместе с ним замедлился ход жизни вокруг. Даже автомобили, казалось, и те двигались по дороге с большой неохотой, точно совершали над собой немислимые усилия. Мне представлялось, что механические организмы стали похожи на африканских животных, томящихся под летним зноем в прожженной солнцем саванне.

Я изнемогал от непривычного, изнуряющего вара. Попадавший под салфетку едкий пот без конца, сладко и надоедливо драл ссадину крошечными коготками. Время от времени я порывался забраться под рубаху рукой, но затем, опасаясь совредить рану, лишь с силой прижимал к спине салфетку и промакивал скопившиеся на коже капельки.

Чтобы хоть как-то спастись от жары, я забрел в тесный сумрачный магазинчик. Выстояв куцую очередь, я купил минеральной воды и жадно припал к прохладному горлышку. Ненадолго сделалось лучше. После этого у меня хватило сил пройти еще два квартала...

Путь назад, как это часто бывает, оказался заметно короче. Прежнее расстояние я преодолел за меньшее время. Что, впрочем, понятно – теперь я не глазел по сторонам, без надобности не останавливался, а только целенаправленно шагал вперед. Зной гнал меня огненной плетью к «Авроре». Очутившись рядом с кафе, я с облегчением юркнул в рас-

пашные двери и свалился за столик перед большой, во всю стену, витриной.

В зале дышалось свободно. После заполненной пламенем улицы очутиться в остуженном помещении было спасением. Посетителей в заведении находилось немного: впереди, за соседним столом, обедали два офисных клерка, а возле стойки парень и девушка толкли в розетках мороженое. Я спросил у официантки, что есть в меню, быстро сориентировался и заказал окрошку и стакан брусничного морса. Девушка, обслуживавшая меня, была приветливой и симпатичной. Когда она отошла от стола, я проводил ее легкую фигуру пристрастным взглядом. Наверное, ей было года двадцать два, двадцать три. Среднего роста. Не сказать, что красotka, но очень славная, с открытым располагающим взглядом и приветливой светлой улыбкой. Высокий лоб и породистый греческий нос. Выразительные губы, с четкими линиями. Ее русые волосы были заплетены в тугую, средней длины косу. И еще мне понравилось, как она двигалась. Невесомо, изящно, будто танцуя. Я наблюдал за девушкой, и мне подумалось, что она наверняка привлекает внимание мужчин-посетителей, вызывая у них известные мысли. У меня эти мысли, по крайней мере, возникли...

Окрошка была ледяной и очень вкусной, а вот морс оказался теплым. Я покончил с обедом, попросил принести шоколадный коктейль и начал тянуть его через край, отложив соломинку в сторону.

Вкус у коктейля был замечательный. Это был почти совсем забытый вкус из моего школьного детства. В те годы мы часто между уроками бегали в кулинарию напротив и выпивали сразу по два густо замешанных «кубинца». Так мы его тогда называли, этот коктейль. Для этого мы правдами и неправдами экономили деньги, выдаваемые нам родителями на разные нужды. Если же у кого-то из нашей компании не доставало денег даже на порцию, кто-то другой, ничуть не жалея, что останется без добавки, обязательно докладывал недостающую сумму другу. В то время в нас еще не было алчности... Да, ради таких вот моментов я был не прочь повторить свое детство сначала. И плевать на вечные придирки класснухи, плевать на стычки с придурками-переростками. На оплеухи и разбитые губы. Плевать! Ради чувства товарищества...

Я выпил коктейль, оставил стакан на середину стола и стал наблюдать в окно за улицей. Воспоминания неожиданно захватили меня. Не отпускали. Со школьных времен, с тех самых пор, мне ни разу не попадался коктейль с этим почти позабытым сказочным вкусом. И вдруг – здесь, в Краснодаре!..

Не знаю, сколько времени я просидел, плененный нахлынувшими картинками детства. Десять?.. Пятнадцать минут?.. Или, может быть, дольше? Потом я очнулся и, стараясь не привлекать внимание других посетителей, подозвал официантку.

– Подскажите, здесь где-нибудь поблизости продается косметика? – спросил я у нее, рассчитываясь за обед. И за чем-то добавил: – Мне нужен крем после бритья.

Я, конечно, и сам мог отыскать нужный мне магазин, но мне отчего-то захотелось поговорить с этой девушкой. Наверное, оттого, что я вдруг почувствовал в душе приступ острой тоски и потребность обмолвиться с кем-нибудь словом. А может, потому, что меня очаровала ее улыбка – простая и ясная. Скорее, последнее, девушка мне очень понравилась.

– В какую сторону вы пойдете? – спросила она.

– В ту, – я ткнул пальцем в сторону моего временного жилища.

Официантка посмотрела на мой детский жест и опять улыбнулась.

– На первом перекрестке, там, где стоит светофор, перейдите дорогу. Справа, на другой стороне, увидите большой магазин. В нем отдел, где торгуют косметикой.

Я поблагодарил девушку за помощь, поднялся, и пошел к дверям. На пороге, не удержавшись, я оглянулся. Она смотрела мне вслед...

Следуя полученным указаниям, я быстро отыскал магазин, купил банку «Нивеи» и направился на квартиру. По пути мне пришла в голову мысль съездить на пару дней на море, но я тут же отверг ее. Во-первых, купаться и загорать мне было нельзя, а потеть в одежде можно и здесь. И, во-вторых –

вдруг Прокофьев приедет раньше. Он вернется, а меня в это время в городе не окажется. Значит, определил я, надо терпеть и все эти дни провести в изнывающем от жары Краснодаре.

В подъезде консьерж – пожилой рыхлый мужчина с усами-щеткой – не обратил на меня никакого внимания. Он сидел в своем закутке, близоруко уткнувшись в газету, и, разбирая мелкие строчки, беззвучно двигал губами. Я проследовал мимо него незамеченным, поднялся в лифте на пятый этаж и отворил дверь.

Войдя в гостиную, я тут же понял, что в квартире в мое отсутствие кто-то успел побывать. Телефонная трубка перекочевала со стола на обычное место – на базу, грязная посуда из раковины исчезла, а пепельница на кофейном столе остро сверкала чисто вымытыми синими гранями. Из пирамидки не просто удалили окурки, но и на совесть протерли хрустальные стенки от серого бархатного налета. Пустая бутылка из-под вина и скопившийся скудный мусор также пропали: в никелированное ведерко был прилежно заправлен новый пакет.

Я подмечал произошедшие в комнате перемены, и тут меня охватила тревога: я вспомнил про пакет с документами! Все еще продолжая сжимать в руке купленный крем, я спешно прошел в спальную комнату и, испытывая все возрастающее беспокойство, принялся лихорадочно искать в сумке.

В голове мельтешили беспокойные мысли, а сердце учащенно забилось.

К счастью, конверт оказался нетронутым. Я облегченно вздохнул и присел на край кровати. Пускай я нигде и не расписывался за доверенные мне документы, все равно чувствовал себя ответственным за их сохранность. Я невольно столкнулся со своим отражением в панели шкафа и с досадой ругнулся. Сначала Прокофьев звонит посреди ночи и просит помочь – срочно доставить пакет самолетом, когда же я привожу документы, выясняется, что никто не торопится забрать у меня пакет! Вадим вдруг уезжает из города по другим, более важным делам, а из его свиты конверт почему-то никто принимать не желает! Впрочем, это дело Прокофьева, возразил я себе, продолжая разговаривать с отражением. Я его просьбу исполнил. Дождусь, когда он придет, отдам конверт и буду свободен даже от каких-либо моральных условностей.

Я возвратился в гостиную, зашел на кухню и открыл холодильник. Фрукты и овощи в нем обновили: помимо яблок, на полке появились грейпфрут и внушительный ананас в ребристой шкуре. Ананасы я не любил, чего, конечно, не знал тот, кто сунул его в холодильник. Наверное, горничная приходила, пока я отсутствовал, прибралась и ушла, сделал я вывод. Позвонила консьержу, узнала, что я на прогулке и навела порядок. Вот только ананас она зря... Я взял коробку виноградного сока и хлопнул дверцей.

Утолив жажду, я с кремом в руках прошел в ванную комнату. Там сбросил одежду и как смог, обкупнулся. Потом отодрал от спины пластырь, смазал перед зеркалом ссадину и прилепил салфетку обратно.

Обходиться без душа в такую жару было не просто. Тепло моментально становилось потным и липким. Я решил, что подожду еще один день и перестану ограничивать себя в купании. Все-таки рана уже поджила, а ежедневная гигиена при таком знойном климате необходима.

В гостиной я опустился в кресло и взялся лениво думать о том, чем бы себя занять. Телевизор смотреть не хотелось. В поисках хоть какой-нибудь книги я еще раз перерыл все имевшиеся в квартире шкафы. Ничего не найдя, я вышел на улицу и купил в киоске газеты. Возвратившись назад, около часа просматривал их на диване. Затем бросил растрепанные газеты на стол, открыл бутылку вина и до вечера слонялся по комнатам под песни «Pink Floyd».

Голос Дэвида Гилмура, исполненный величественных интонаций пророка, разносился по пространству квартиры, неотступно следуя за мной по пятам. Было в этих звуках что-то сакральное. Они притягивали, очаровывали, полностью поглощали сознание. Казалось – перед тобою открылось другое пространство, что находишься на пороге миров, что вот-вот узнаешь некую тайну. Я бродил по квартире, захваченный музыкой, а когда диск закончился, поставил его на начало.

В восьмом часу я вышел из дома. Окончание дня не принесло ожидаемой свежести. Прокаленный воздух застыл без движения, заполонив улицы и дворы. Я окинул взглядом высокое чистое небо и зашагал к «Авроре». Через пятнадцать минут я был уже рядом с кафе.

Купив в баре бутылку пива и пакетик арахиса, я устроился на улице за пустующим столиком. Посетителей – и внутри и снаружи – на этот раз было больше. Столы на асфальтовой площадке занимала, в основном, двадцатилетняя молодежь. Неспешно потягивая из горлышка прохладное пиво, я чутко прислушивался к остротам парней и неумолкающему щебету девушек. Я ловил их веселый смех, взаимные шутки, беспечную болтовню то на одну пустяковую тему, то на другую, и не мог припомнить, когда сам в последний раз разговаривал с девушкой? Вот так же. Не по делу, как сегодня с официанткой, а просто так. Разговор ради разговора. Ради забавы. Без всякой цели. Для того чтобы провести время. Праздный треп, с улыбками, с взаимными вопросами и встречными взглядами. С рассказыванием необычных, наполовину выдуманных и преувеличенных историй. Как я ни пытался, я не мог верно определить, когда это было в моей жизни в последний раз. По всей видимости, давно. Так же давно, как давно я не спал с женщиной. Я невесело улыбнулся. В последнее время я больше беседовал с самим собой, а не с другими людьми. Я и так не больно-то разговорчив. Бывшую жену эта особенность моего характера вечно нер-

вирова. Порою она не выдерживала внутреннего накала – который сама же и разжигала в себе – и выговаривала мне все, что думала по *этому поводу*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.